

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД • 1934

*Академия наук СССР.
Ин-т русской лит-ры*

М. ГОРЬКИЙ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

I

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. А. ДЕСНИЦКОГО

Кс

РГ 3465

А 514

V. 1

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Непременный секретарь академик В. Волин

Ответственный редактор В. А. Десницкий
Редактор издания С. Д. Балухатый

Технический редактор Д. Бабкин
Ученый корректор Е. Мастыко

Переплет и супер-обложка худ. М. Ушакова-
Поскочина. Портрет на супер-обложке работы
худ. Верейского

Сдано в набор 17/III 1934 г. Подписано к печати
4 IX 1934 г. Стр. 552 + 5 портретов. Формат
бум. 62 × 94 см. 35 п. л. Тип. зн. в 1 п. л. 32 290.
Тираж 16—25 тыс. экз. Ленгорлит № 20449. АНИ
№ 506. Заказ № 249. Типография Академии Наук
СССР. В. О., 9 линия, 12.

ОТ РЕДАКЦИИ

Литературная деятельность М. Горького открывает новый период в истории русского литературного движения. В лице М. Горького еще в конце прошлого столетия вступает в литературу пролетариат как класс.

В произведениях М. Горького, художника и публициста, нашли яркое выражение жизнь, настроение и интересы рабочего класса.

В. И. Ленин еще в 1909 г. писал М. Горькому: „Своим талантом художника Вы принесли рабочему движению России, да и не одной России — такую громадную пользу, Вы принесете еще столько пользы“. И в 1917 г. он повторяет: „Горький — громадный художественный талант, который принесет много пользы всемирному пролетарскому движению“.

В то же время, организуемая пролетарским, социалистическим содержанием, революционной направленностью, диалектико-материалистическим „художественным опытом“, литературная деятельность М. Горького полагает начало новому стилю в литературе, стилю социалистического реализма. Новый исторический класс, призванный уничтожить всякую эксплуатацию человека человеком, строитель бесклассового общества, создавая новый мир, создает и новое искусство.

В процессе критического освоения всего ценного из культуры прошлого, в борьбе с враждебными пролетариату буржуазными теориями искусства, с эгоистическими классовыми тенденциями, находившими выражение в литературе господствовавших классов, творится искусство пролетариата, искусство социалистическое, искусство последовательного материалистического познания действительности и ее революционного изменения. Свободное и радостное искусство пролетариата приходит на смену искусству классов капиталистического общества, общества гнета, насилия и лжи.

В этом великом деле создания искусства пролетариата М. Горькому принадлежит громадная заслуга, высоко оцененная гениальным вождем революционного рабочего класса В. И. Лениным. В 1910 г. он писал: „Горький безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать... Горький — авторитет в деле пролетарского искусства, это бесспорно...“

О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ

(Ответ на анкету «Украинской Жизни»)

Я не знаком с украинским вопросом в той полноте, которая давала бы мне право ответить подробно на Вашу анкету, слишком детальную; я могу повторить лишь несколько общих, всем знакомых положений, которые считаю неоспоримыми и которые, как я думаю, искусственно замалчиваются самозванными зодчими „Великой России“ и апологетами мертвой московской государственности.

Поскольку я знаю психику лучшей части русской интеллигенции, я знаю, что русский народ всех трех племен мыслился и чувствовался ею как единое целое, имеющее перед собою врага, вполне определенного для „хохла“, „кацапа“ и „ягута“.

Русский интеллигент-демократ никогда не считал себя человеком, призванным командовать племенами, входящими в состав его империи; он одинаково упорно и бескорыстно работал во всех кругах пестрого населения России, и, поскольку это население сознает свое культурное единство, свои социальные права, — этим сознанием оно обязано только работе демократической интеллигенции.

Поднятый ныне г. Струве и раздуваемый московско-русскою мыслью шум о „Великой России“ я считаю безусловно вредным: он направлен против одной из немногих устойчивых традиций нашей демократической интеллигенции; при той нервозности, и растерянности, которые обуяли ее, этот дрянной шум может вызвать болезненные раздражения, может послужить, — и едва ли уже не служит, — причиною возникновения совершенно излишних и пагубных споров, а таким образом способен задержать благодатный рост сознания русским народом единства его политических задач.

Мне кажется, что московско-питерское „национальное возрождение“ должно вызвать в уме каждого честного русского чело-

века вполне естественную и здоровую мысль: а не является ли эта пропаганда национализма плодом внушений, идущих из темных недр той политики авантюристов и провокаторов, которая вторгается всюду, где нарастает солидарность, и которая, побив, не без временного успеха, армия татарами, ныне пытается придушить киевлян москвичами?

Говоря о „внушениях“, я не утверждаю, что они воспринимаются сознательно: покаявшиеся российские нигилисты — ныне государственники — в своем торопливом стремлении доказать улице и площади, что их истощенные „эволюциями“, изъеденные книжной пылью сердца все-таки еще могут во что-то верить и что-то проповедывать, — эти „бывшие люди“ вполне способны подчиниться „внушениям“ совершенно бессознательно, что ими — не однажды — и доказывалось.

Далее: мое знание великорусской народности и знакомство с ее историей не дают мне уверенности в том, что эта народность обладает исключительными талантами в деле государственного строительства.

Говорят: „именно эта народность создала обширнейшее государство в мире“.

Но требуется доказать, эта ли единолично и создано ли государство.

Я думаю, не одна „эта“, ибо в деле создания русской культуры Киевская Русь принимала участие не меньшее, чем северяне, и на протяжении всей истории нашей происходил и происходит братский обмен духовных сил. Князь Данило Галицкий был больше русским и вернее понимал интересы нации, чем московский князь Александр: первый, чувствуя себя европейцем, собирал южан на борьбу с ордою за культуру, а второй, отдав весь русский север в ясаку хану, сам ездил по русской земле с татарами дани собирать, наводил татарский погром на суздальские земли брата своего Андрея, выгнал из Пскова сына Василия за то, что он отказался платить хану дань. „Русичи, солнцевы внуки“, не в Москве жили, а в Киеве да в Галиче; люди вольного Новгорода были духовно ближе веселому югу, а не угрюмой Москве, „отемнявшей душу боязнью разума, гонимого, яко бы злой дух“.

И, очевидно, что „государство“ еще не создано, иначе зачем бы проповедовать необходимость построения „Великой России“?

Если понимать под государством коллектив, проникнутый, — несмотря на классовые противоречия, — пониманием единства

национальных задач, единства культуры, — едва ли можно говорить о государстве там, где народ до сего времени думает, что для улучшения его социального бытия „необходима несчастная России война“, где он грозит „перейти за канаву и отдаться в подданство иностранным державам“.¹

Государства, пожалуй, еще нет, просто — „Митька брюхом навалился“ на огромную землю, сам — сверху — придавлен к ней и, будучи лишен свободы движений, свободы деяний, изнывает в тоске и мечтах.

Захват тех земель, по которым рассеян „лишенный сознания своих целей и прав“ русский народ, совершался им, как это известно, механически, в его стремлении „разбрестись розно“, и всегда по линии наименьшего сопротивления.

Ставши „москвичем в душе“ и, по старой московской привычке, „торопясь присягать Владиславу“, Струве в своем обвинительном акте против лучшей части русской интеллигенции сказал, что ее „идейной формой“ является „отщепенство от государства и враждебность ему“, — это обвинение Струве мог бы с не меньшим правом предъявить ко всей массе русского народа.

Отщепенство — свойство, издревле присущее нам: еще киевляне грозили князьям своим „уйти в греки“; либеральнейший Костомаров считает прикрепление Годуновым крестьян к земле „мерю до крайности необходимой“: народ еще при Грозном пошел на восток „по за Каму и Урал“, „чем дальше от средоточия власти, тем ему было льготнее“; ибо, как свидетельствовал Исаак Масса, „в московской земле все должностные лица были воры“.

Должностные лица — воры, а хорошим людям в московской земле места нет: и бояре бегут „за рубеж“, и холопы „в казачи“, и некрасовцы „за Дунай“, и на всем протяжении истории стоном стоят горькие сетования лучших русских людей: трудно на Москве русскому человеку! Даже гибкий, как меч каленой стали, Пушкин, один из славнейших великомучеников русских, и тот восплакал с тоски и обиды:

„И дернул черт меня родиться в России с талантом и душою!“.

¹ См. В. В. Воронцов «Народные настроения», — «Запросы Жизни», № 11, 1911; С. Я. Елпатьевский «Бесчинство», — «Русское богатство», № 5, 1912.

„Отщепенство“ равно свойственно всем сословиям нашим: в 1648 году арзамасский воевода Травин писал в Москву: „арзамасцы, дворяне и дети боярские твоему государеву указу не слушают, чинятся сильны, вскоре на твою государеву службу не идут... а иные отбывать твоей государевой службе избегают, дома не сказываются“.

История колонизации Поволжья и украинских городов полна такими „отписками“ воевод: дворяне и дети боярские „сказывались в нетях“ одинаково охотно и во дни Степана Разина, и в тяжелые годы Петра. Этот „абсентеизм“ жив и по сию пору: г. Струве и всем, иже с ним, конечно, ведомо, что условия, воспитавшие в русском народе „отщепенство от государства“, сохранились в печальной полноте до наших дней. Следовало бы понять, что одним из таких условий, отталкивающих демократию от ее законной работы построения правового государства, является „вехизм“ — позорнейшее отщепенство части русской интеллигенции в сторону идеологии „должностных лиц“.

Мне думается, что русские историки слишком мало придавали значения той роли, которую в деле организации Московского государства играли иноземные, „навозные люди“ разных племенных мастей, наемники, которых приглашали в помощь себе московские „собиратели земли“. Не отрицая, что различные варяги играли некоторую организаторскую роль в начале истории нашей, не будем забывать, что их бесжалостная, жестокая работа должна была внушить народу чувство „отщепенства“, недавно освеженное... Глубоко уверен, что роль, например, остзейских баронов в строении Московского государства может и должна быть предметом интереснейшего исторического исследования, способного очень многое объяснить в психике русского общества и человека.

О „розни между народом и правящими классами“ у нас написано немало, условия ее возникновения и развития довольно четко нарисованы талантливым И. И. Дитятинным, но он признавал „отщепенство“ демократии от „государственности“ свойством здоровым, и не только в его глазах это свойство являлось выражением стремления народных сил к свободе и самодеятельности.

Уродливо рассеянный географически, густо прослоенный чуждыми по крови племенами, еще менее культурными, чем сам

он, почти лишенный, под влиянием удельных неурядиц, чувства своего племенного единства, — русский народ всегда понимал необходимость областной самостоятельности, областного самоуправления; современные „сепаратизмы“ являются оправданным историей, естественным стремлением к свободе деяния.

Ни одна страна не отбрасывает прочь столь огромного количества „лишних“ людей, как наша Русь, — это верно. Но людей этих нельзя назвать продуктами социального распада, вызванного усиленной жизнедеятельностью, интенсивной социальной борьбою классов: в большинстве своем наши „лишние люди“ — сила не выработанная, не шлак, а богатая руда. Там, где „лишние люди“ находили условия, удобные для работы, они работали плодотворно и умело: вспомним заселение Урала, Сибири, Поморья, Новороссии, работу сектантов на Кавказе, и всю тяжелую колонизационную деятельность народа, который весь целиком чувствовал, — да и чувствует, — себя лишним в Московском государстве...

А московские книжники всегда были и есть немного фари-сеи, — они прекрасно видят, что ощущение невозможности свободно проявить свои духовные силы обращается у русского человека в его внутреннее убеждение, становится свойством его психики, убивает волю, способствует росту пассивного отношения к действительности.

Но, видя, зная это, упрекая демократию в отщепенстве, они же сами заявляют: „мы должны благодарить власть за то, что она штыками охраняет нас от ярости народной“. Могут ли заявления эти не послужить развитию отщепенства?

Раскол между демократией и тою частью интеллигенции, идеологами которой являются „вехисты“, есть, конечно, раскол по линии классовых интересов и классового мироощущения, но у нас, на Руси, он осложняется издревле и прочно унаследованным демократиею не только законным чувством недоверия ко всяким строителям государства „сверху“, но и вообще недоверием к интеллигенции, а она, за последнее время, усердно старается развить и укрепить это пагубное отношение к ней.

Недавно один из сторонников московской идеологии, г. Келтуяло, в предисловии к своему «Курсу литературы» совершенно вычеркнул русский народ из русской истории, откровенно и голословно заявив:

„Подлинным творцом древне-русской национальной культуры, литературы и мировоззрения был не „народ“, представляемый в демократических и простонародных или крестьянских очертаниях, а небольшая часть народа, именно его высший, правящий класс“.

Выходки такого сорта и тона должны иметь двойное значение для народной массы: когда отзвуки их дойдут до ее наиболее вымученной, безнадежной и бессильной части, — в ней г.г. „вехисты“ укрепят и оправдают ее пассивно-анархическое отношение к делу жизни, посодействуют росту отчаяния в ней и усилят ее дикое озорство — русское выражение отчаяния, коего не чужды и сами „вехисты“. Но, с другой стороны, „вехизм“ и сопряженное с ним „учение“ о „Великой России“ надобно считать как нельзя более полезным для развития в здоровой и жизнеспособной демократии нашей сознания ею своих прав, задач и образа действий.

Отщепляясь от демократии в сторону буржуазно-бюрократических тенденций, московско-русская мысль совершенно определенно указывает демократу его политическую роль в стране и ту линию, по которой он наиболее быстро, с наименьшею затратою энергии придет к завоеванию политической свободы и развяжет себе руки для борьбы за свободу экономическую.

Несомненно, что русский народ — великая туманность, но так же несомненно, что за последние годы он быстро вращался, и в центре его уже образовалось живое огненное ядро. Рост энергии в западно-европейской социальной демократии создает новую атмосферу, которая, как мы видим, влияет организаторски и возбуждающе-бодро на весь мир, — она не может не влиять столь же определенно и на русский народ.

Он скоро должен будет понять, как нелепа проповедь национализма в эпоху гигантских интернациональных организаций капитала и как пагубна может быть для его свободы эта проповедь. Он не позволит строить „Великую Россию“ на угнетении племен, среди которых живет, ибо это построение надолго обратилось бы в железную клетку для него же самого.

И надобно ждать, что вместе с тою интеллигенциею, которая еще не утратила чувства единства своих политических интересов с интересами народа, — демократия переработает свое „отщепенство“ от жизни и деяния в здоровое стремление к организации всей России на началах широкого федерализма.

Чувство „государственности“ начинается с признания человеком полезности для него государственных учреждений. В стране, где возможно безнаказанно разрушать университеты, цинически отрицать всякую „законность“, провоцировать всюду и во всем, — в такой стране слова „государственные учреждения“ звучат как насмешка...

Постепенно излечиваясь от тех увечий, которые нанесены нашему народу его мучительнейшей историей, полной горьких разочарований, — народ наш все яснее должен видеть, что, кроме как на свои силы, ему не на что надеяться, никто ему бескорыстно не поможет в трудном деле сознания им его великих задач: учителей и друзей он найдет лишь на Западе, в Европе, где постепенно возрастает идея всемирного объединения демократии.

Памятуя угнетения, пережитые и переживаемые ею, русская демократия не пойдет за теми, кто хотел бы увлечь ее к угнетению народностей, живущих бок-о-бок с нею, не позволит стеснять свободу людей, коим свобода необходима так же, как и ей самой.

Если говорить о России как целом, не надо забывать, что строили ее все три племени вместе и что они-то и есть живой ее скелет, крепко обросший мускулами иных племен; надобно неуклонно заботиться, чтобы этот стержень хорошо чувствовал свое химическое единство, чтобы он мог быстро и успешно развивать все свои добрые, здоровые свойства, тогда и мускулатура плотнее срастется с ним.

Истинный демократ свободолобив, гуманитарен, коллективистичен; искренний демократ понимает, что если и единице нужна для проявления сил ее духа возможно полная свобода, — эта законная потребность становится совершенно неоспоримой и, так сказать, священной, когда о ней заявляют миллионы единиц.

Каждый духовно-здоровый человек являет собою как-бы туго свернутую хартию, исписанную впечатлениями исторического бытия его племени, его предков. В счастливых условиях эта хартия, развертываясь, обогащает нас такими радостными явлениями, как Шевченко, Пушкин, Мицкевич, — люди, воплощающие дух народа с наибольшею красотой, силой и полнотью.

Каждое племя есть источник неисчислимых возможностей обогащения жизни энергиею духа, и необходимо, в интересах быстрейшего роста мировой культуры, чтобы эта энергия раз-

вивалась нормально, втекала в жизнь — на счастье и радость нам — при условии наибольшей свободы.

Демократия может признать законным и естественным только один вид ассимиляции — ассимиляцию на почве общечеловеческой культуры, которая ныне становится культурой планетарной. Эта ассимиляция — неизбежна, она ведет ко всемирному объединению людей, она заставляет думать о работе отошедших поколений с чувством почтительной благодарности, она возбуждает рабочую энергию в настоящем и обещает людям сказочно-прекрасное будущее.

Демократия, всюду постепенно и неуклонно завоевывая свои права, все более ясно понимая беспредельность своих коллективных сил, не может не понять, что насилие государства над свободным стремлением людей к самоопределению задерживает процесс всеобщей организации духовных сил мира, искусственно утверждая тяготения человека и племени к отъединению от мира, от вселенской работы.

Это особенно хорошо надо понять нам, русским, — людям слишком склонным к „отщепенству“ и всяческому расчленению, людям, плохо одаренным способностью синтеза.

Враг у нас — один, его лицо хорошо известно нам, прием его политики издревле знаком — „разделяя, властвуй“...

Мы должны, наконец, понять, что вся сила нашего врага — в нашей неорганизованности и что нам следует стремиться ко всероссийскому единению.

Пусть каждый свободно живет и работает на земле, удобренной прахом его предков, украшенной их великой работой, и тогда мы все почувствуем себя в нашей России как дети на груди матери. Каждому — свое и всем — все доброе.

России демократической не нужны и вредны проповедники московского централизма, — ей нужны люди, которые изо дня в день, упрямо, неотвязно, неустанно говорили бы:

„Друзья, братья, товарищи, русичи, солнцеви внуки!“

„И религия, и наука, и современная практика жизни — вся работа мира внушает вам один и тот же лозунг на все времена: „В единении сила!““

Журнал «Украинская Жизнь» выходил на русском языке и печатался в Москве. Журнал, как печаталось в объявлениях о нем, „ставил своей задачей ознакомление общества с состоянием, ростом и задачами украинского национального движения и вообще с жизнью, потребностями и запросами 30-миллионного украинского народа“. Редакция журнала обратилась к отдельным общественным деятелям с особой анкетой об отношении прогрессивного русского общества к украинскому национальному движению. Статья М. Горького и явилась ответом на эту анкету. Помимо М. Горького на анкету ответил А. Луначарский, дав марксистский анализ вопроса в статье «О национализме вообще и украинском движении в частности» («Украинская Жизнь», 1912, № 10, октябрь) и ряд буржуазных публицистов.

П. Б. Струве — имеется в виду статья П. Б. Струве «Интеллигенция и революция» в сборнике «Веки», М., 1909. Участники сборника обслуживали интересы развивающегося русского капитализма. Сборник этот, посвященный проблемам русской интеллигенции, дал резкую критику народничества и социализма.

И. И. Дитятин (1847—1882) — известный историк русского права, автор ряда работ по истории правительственной централизации в ее отношении к городскому самоуправлению.

Первое упоминание о статье найдем в письме к М. Горькому украинского писателя М. М. Коцюбинского, который писал 15 мая 1912 г.: „Кстати, Вы как то выразили желание послать что-нибудь, хотя бы небольшую заметку, в «Украинскую Жизнь». Если вы не раздумали, пошлите. Это очень важно для журнала и для нас всех“. В ответном письме М. Коцюбинскому 5 июня 1912 г. М. Горький писал: „В «Укр. Жизнь» напишу что-то, подхожу тихоиько к одной теме, но не знаю, одолею ли ее“.

В письме от 9 октября 1912 г. М. Коцюбинский писал М. Горькому уже после напечатания статьи: „Слышал также, что в «Укр. Жизни» напечатана Ваша отповедь на анкету журнала и горю нетерпением познакомиться с ней, но как назло последняя книжка «Укр. Ж.» застряла где то в дороге и придется ждать несколько дней“. М. Горький ответил 2 ноября 1912 г.: „Статью для «Укр. Жизни» я написал плохо и мне стыдно. Но как меня ругают за нее патриоты великорусские! Завидую им — имеют много свободного времени, могут писать длинно и подробно.“

ХРОНИКА ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ

Недавно в итальянской провинции Романья, в маленьком городке Сан-Мауро, происходило знаменательное торжество: население города и окрестных деревень чествовало память знаменитого поэта Джованни Пасколи. Пасколи родился, жил и — год тому назад — умер в Сан-Мауро, городе, который им же назван „гнездом жаворонков среди цветущего хлеба“.

Еще весной местное «Общество Взаимопомощи рабочих» постановило водрузить в стене дома «Общества» мраморный медальон Пасколи; тогда же на средства рабочих медальон был заказан скульптору Гольфарелли, и в одно из воскресений сентября было устроено празднество открытия памятника поэту.

Собралась масса народу, говорились речи, освещавшие деятельность поэта, читались его стихи, вспоминалось как он жил бок-о-бок со своим народом, как — чем только мог — старался облегчить и осветить темную жизнь трудящихся; играл оркестр рабочих — любителей музыки, а со стены дома смотрел на свой народ великий поэт, оживленный в мраморе вдохновением искусного скульптора.

Вся Романья сошла в этот день в Сан-Мауро, чтобы выразить горячую благодарность Народу — Поэту; все шли в маленький дом, где родился „Джованнинно“, знакомый и дорогой всем и каждому. Скромный дом поэта стал для народа храмом, где собраны священные воспоминания о жизни и работе одного из лучших сынов Италии.

Под изображением Пасколи — краткая надпись: „Умирает человек — Народ бессмертен и бессмертен Поэт чьи песни — трепет сердца его Народ“.

Если народ умеет чтить своих великих поэтов, если он считает их родными себе — это значит, народ понял великое значение своих творческих сил и научился уважать себя.

А при Временном правительстве Амфитеатров уже принимает участие в кампании травли и лжи против большевиков, против вождей социалистической революции. В. И. Ленин в своей статье «Против погромщиков» писал: „Пусть знают Милюковы, Амфитеатровы, Плехановы и компания, что если из-за их травли начнется применение насилия, оно обернется прежде всего против них».¹ Как мы видим, Амфитеатров от „общей лсвизны“ своей постепенно перешел в защитники интересов Милюковых и Протопоповых.

Октябрьская революция окончательно показала либерального буржуа, скатившегося в лагерь белой эмиграции. В 1919 г. Амфитеатров эмигрировал за границу, где примкнул к итальянскому фашизму.

1

М. ГОРЬКИЙ — А. АМФИТЕАТРОВУ

[ноябрь 1910 г.]

Дорогой Александр Валентинович!

В объявлении о «Современнике» сказано: „издается при ближайшем и исключительном участии А. Амфитеатрова“ — это едва ли грамотно,

а далее, жирным шрифтом: „при постоянном сотрудничестве Максима Горького“.

Это — не годится.

Я очень прошу Вас, скажите, чтобы непременно убрали жирный шрифт и — „постоянное сотрудничество“ — это необходимо. Я прошу печатать имя мое в строку с именами других сотрудников, настаиваю на этом.

И я никогда не подписывал своих вещей именем Максима — а всегда — М. Горький. Очень может быть, что это „М“ — скрывает Мардохея, Мафусаила или Мракобеса.

Простите меня — но я очень прошу исполнить мое желание.

Письмо — не датировано, дату устанавливаем по содержанию.

2

М. ГОРЬКИЙ — А. АМФИТЕАТРОВУ

[декабрь 1910 г.]

Александр Валентинович, дорогой мой!

В «Речи» от 1/14 дек. снова явилось это погрешное объявление и — снова протестую против жирного шрифта и „постоянного сотрудничества“.

Напоминаю объявителям скандал «Речь» — «Совр. Мир», вызванный справедливой — по существу статье Чукковского.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XX, стр. 165, 3-е изд.

С. БАЛУХАТЫЙ

О ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗГЛЯДАХ М. ГОРЬКОГО ПО ЕГО ПИСЬМАМ 1911—1915 гг. К ПИСАТЕЛЯМ¹

В последние годы опубликован ряд высказываний М. Горького по вопросам литературы преимущественно в письмах его к начинающим писателям. Эти высказывания углубили наше представление о методе подхода М. Горького к оценке литературного произведения. Печатаемый ниже материал — письма М. Горького к писателям и критикам и ряд его рецензентских работ — с исключительно значительными мыслями о литературе и литературном мастерстве позволяют расширить круг наших представлений о литературных взглядах М. Горького. Материал этот в основном примерно одного времени — 1911—1913 гг., времени подъема новой общественной волны после многолетней полосы реакции. М. Горький в ряде своих публицистических выступлений этих лет неустанно указывал на признаки наступающего возрождения, на необходимость объединения всех сил, противостоящих самодержавному строю и общественной реакции. Именно в эти годы М. Горький настойчиво проводил в своих письмах, обращениях к писателям, мысль об исключительно ответственной роли литератора. Особенно в эти годы, борясь с реакционной литературой, М. Горький с надеждой обращал внимание на писателей из рабочих, из крестьян, — иа писателей-самоучек, впервые пробующих свои силы в литературной работе.

Две линии отчетливо видны во всех отзывах, советах, мнениях М. Горького в публикуемом нами материале. Одна линия — требование делать общественно-полезные художественные произведения. Другая — обсуждение природы литературы как специфического искусства, вопросы художественного мастерства. Письма М. Горького к писателям полны больших требований со стороны взыскательного мастера, полны забот о правде искусства в предельно отточенных, отшлифованных, экономно разработанных художественных формах.

Какой же круг тем затрагивал М. Горький в своих письмах и каковы были его литературные суждения?

¹ Везде ниже слова, включенные в кавычки, принадлежат М. Горькому и взяты из публикуемых далее его писем. Цитаты же, взятые нами из неопубликованных писем, обозначены звездочкой. Фамилии в скобках — адресаты М. Горького.

И. Н. ЗАХАРОВУ

Письмо М. Горького к И. Н. Захарову явилось ответом на письмо последнего, в котором И. Н. Захаров писал — „я страстно желаю жить согласно с простой человеческой честностью и достоинством“ и далее обращался к М. Горькому с „волнующими“ его общими вопросами: „... Чем является литература в жизни вообще; что она есть; в чем должна быть теперь; и что с ней будет в будущем; и как относиться надо к мнению, что она — последнее убежище гонимых нерабочих нового типа?“ И. Н. Захаров поставил перед М. Горьким и ряд „специальных“ вопросов:

„1) Какое количество чтения необходимо вообще и что Вы укажете из мировой и нашей русской литературы.

2) Какова техника чтения (следует ли, напр., выбирать мысль и лучшие места по форме, или читать подряд).

3) Может быть Вы найдете что указать и в способе пользоваться вычитанным и живым материалом.

4) Требуется ли это занятие и соответствующей жизни, или же можно пока мириться с занимаемой мною должностью учителя“.

Технике чтения М. Горький придавал, повидимому, большое значение, что видно из следующего указания М. Горького в одном неопубликованном письме: „...Надо помнить, что техника чтения у нас развита слабо и что читатель нуждается в подробнейших указаниях, как надо читать“.

Милостивый Государь мой!

Боюсь, что не сумею ответить на вопросы Ваши вполне удовлетворительно, ибо — извините великодушно, — вопросы Ваши имеют характер несколько готтентотский.

Например: вопрос 2-й.

Не представляю себе, как вы, применяя эту „технику“, будете читать «Войну и мир» или Флобера, Дон-Кихота или Робинзона Крузо? И как вы найдете лучшие места в книге, взятой вами в руки в первый раз. А также — какой толк может получиться от столь странного чтения, напоминающего питание обжоры, у которого уже испорчен желудок?

„Какое количество чтения необходимо вообще?“ По способностям, по любви. „Могий вместити, да вместит“ возможно больше.

„Требуется ли это занятие соответствующей жизни или же можно пока мириться с занимаемой мною должностью учителя?“

Чтение требует времени и одиночества. Я, например, будучи мальчишкой, читал на печи по ночам, занавешивая огонь одеялом, чтобы не видно было, что я читаю, и чтобы на утро меня за это занятие не вздули. Хорошо также читать сидя под столом и оградясь непроницаемыми для огня предметами в пустой бане. Вам, вероятно, нет надобности прибегать к таким ухищрениям, а потому читайте просто сидя за столом.

„Указать способ пользоваться вычитанным“ — не могу, не понимаю о чем идет речь. Однако — советую: не хвастайтесь прочитанным перед знакомыми и не выдавайте чужих мыслей за свои.

„Чем будет литература в будущем?“ — не знаю. Склонность к пророчеству у меня слабо развита.

„Как относиться к мнению, что литература „последнее убежище гонимых, не рабочих нового типа“? Относитесь отрицательно. Отношение к литературе как к отхожему промыслу ничинно и подло. Богослужение — не ремесло, оно требует веры и любви, а литература — служение человечеству, кое создало даже и богов.

Если же эти «не рабочие» начнут вторгаться в литературу пятака ради — можно не ошибаясь сказать, что в будущем станет продажной, пошлой и лишенной чести.

Что читать?

Рекомендую — начните с истории: с древних писателей, „отцов истории“ Геродота, Фукидида, Ливия, Тацита, и так далее до Момсена, Гиббона, они вас научат, что надо читать попутно с ними и приведут вас — к самому себе.

Это — самое главное: найти в хаосе событий самого себя, и поставить свою волю в ряд воли, творящих общечеловечье, доброе, против воли, препятствующих этому великому творчеству, в коем и заключен смысл жизни.

Архив М. Горького — Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Письмо-черновик на 2 л. из блокнота среднего формата (4 стр.) со стилистическими исправлениями в процессе писания и с последующими поправками. Письмо без даты; письмо адресата, ответом на которое явилось письмо М. Горького, помечено: Москва. 15 июля.

А. ЛАПШЕВУ

Не помню — известил-ли я Вас, что мною посланы Вам книги и выписан для самообразования Вашего журнал «Запросы Жизни».

Читали Вы мало, необходимо прочитать, для ознакомления с русским языком, всего Тургенева, Чехова, Короленко — последний послан Вам, а Тургенева Вы можете приобрести и в Нижнем, у букиниста, они были даны в приложении к журналу «Нива» и стоят очень дешево.

Из критиков надобно прочитать Белинского и Добролюбова, это необходимо, а Измайлов болтун, с ним считаться не надо.

Книжка «Муки Слова» Горнфельда, в издании фирмы Светоч стоит 20 к., это хорошая вещь, и знать ее надо.

Сделайте так: достаньте две книжки Золотарева «Очерки по истории русской литературы» т. I, «Древняя письменность» т. II, «От Тютчева до Толстого» и прочитайте сначала их, потом Горнфельда. Книжки Золотарева по полтиннику. Следовало бы достать Ключевского «Очерки русской истории».

Рассказ Ваш я пока еще не пристроил, стараюсь. Пишите больше, а печатать не торопитесь.

30 янв. н. с. 1912 г.

Капри.

Архив М. Горького — Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Письмо — машинная копия. Адресат неизвестен.

«Запросы жизни» — журнал, носивший подзаголовок — «вестник культуры и политики», издаваемый группой буржуазных социологов при ближайшем участии М. Ковалевского и Р. Бланка в 1909—1912 гг. М. Горький напечатал в этом журнале серию публицистических очерков «Изадалка» — 1911, № 11, 16 дек.; 1912, № 7, 17 февр.; № 11, 16 марта; № 13, 31 марта; № 27, 6 июля; № 29, 26 июля и Сказки из серии «Сказок об Италии» — 1912, № 19, 11 мая; № 23, 8 июня.

Измайлов — А. А. Измайлов (1873—1921), критик-публицист, сотрудник ряда буржуазных газет: «Биржевые ведомости», «Русское слово» и др. Характер литературно-критических работ А. Измайлова идеалистический.

Горнфельд — А. Г. Горнфельд (1867), критик, автор статьи «Муки слова», дающей психологическую трактовку вопроса о роли слова в процессе творчества поэтов и прозаиков. Статья эта неоднократно перепечатывалась; в письме указано ее издание в «Библиотеке Светоча». Пб., 1906.

Золотарев — С. А. Золотарев. Указаны его учебные для средней школы книги: «Очерки по истории русской литературы. Древняя письменность» Пб., 1912 и «Очерки по истории русской литературы». Тютчев, Толстой, А. К. Фет, Майков, Полонский, Достоевский, Толстой, Л. Пб., 1912.

Ключевский — В. О. Ключевский (1841—1911), буржуазный историк, отразивший в своих работах политический идеал либеральной интеллигенции, пользовавшийся огромной популярностью как лектор и популяризатор. Указаны его книги: «Курс русской истории». Часть I, М., 1904, часть II, М., 1906, часть III, М., 1908, часть IV, М., 1910.

В более позднем письме 25 февраля 1919 г. к П. Максиму М. Горький дал такой отзыв о В. О. Ключевском: «Вы не очень доверяйте Василию Осиповичу [Ключевскому], человек он, разумеется, весьма талантливый и знающий, но в угоду худосочному либерализму адвокатов и профессоров из «Русских Ведомостей» слишком увлекался остроумием. В беседах с другими людьми он еще более остроумно высмеивал российский либерализм и носителей его». («На подъеме», 1932, № 11, с. 144.)

П. В. МУРАШЕВУ

П. В. Мурашев — критик и публицист, сотрудник и член редакции газеты «Живое слово», выходящей в Москве в 1911 г. Ближайшим поводом к написанию письма М. Горького к П. Мурашеву было помещенное в газете «Живое слово» в № 31, октябрь, двух статей, посвященных М. Горькому. В одной из них П. Ордынский («В защиту изгнанника») поднял вопрос об осуществлении в память умершего Л. Толстого общественной петиции перед государем о разрешении М. Горькому вернуться на родину. В другой П. Мурашев («Звездочки на полях»), присоединившись к этому мнению, говорил о необходимости мобилизации для этого дела всего общественного мнения. М. Горький в № 34 газеты от 24 октября выступил с письмом в редакцию, в котором категорически протестовал против проекта всеобщей петиции об его амнистии.

[1911 г., после октября]

Уважаемый Петр Васильевич!

Поверьте, что я далек от желания „осудить“ Вас. Право — я всей душой желаю Вам успеха в Ваших попытках создать хорошую демократическую газету и очень огорчен тем, что не могу работать с Вами. Если бы Вы знали, какой дождь писем ко мне вызвали статьи «Жив. Слова» и как меня язвят черносотенцы — ага, милости запросил! Некоторые же — хвалят, что, конечно, хуже еще — и зовут в Россию. Заметка «Утра России» мне неизвестна и потому не могла иметь какое-либо влияние на отношение мое к «Живому Слову». С Рогачевским я во многом не солидарен, в частности, нахожу, что его указание, будто Ардыбашев пародировал Куприна во второй части своего романа — совершенно неверно, о чем я и известил Рогачевского.

Выступать с публичным заявлением о моем отказе от сотрудничества у Вас, я не имел права, ибо не сотрудничал. Кроме того, не любя шума, я вообще заявляю о моем уходе из того или иного издания только редакциям. Так поступлено в послед-

нее время по отношению к «Новой Жизни», «Новому журналу для всех» и «Современнику».

Ваша статья о Сивачеве значительно ниже темы, а конец статьи резок, но — такова, видно, судьба Сивачева: к его книге отнеслись недостаточно внимательно и никто не оценил социальной важности ее. Я лично не считаю книгу Сивачева искренней и правдивой в той мере, как он мог бы ее сделать, нахожу также, что она испорчена демагогией, но, тем не менее, это одно из значительнейших явлений современности, подтверждающих тот самый раскол демократии с интеллигенцией, о котором говорит и Завражный. В частности, эта книга любопытна как показатель требований демократа к интеллигенту: вспомните биографии Кольцова, Никитина, Сурикова, Дрожжина — помогали им так, как Сивачеву, требовали они столько, сколько он?

Статья Завражного, на мой взгляд, плохо отредактирована и потому плохо понята, а по существу, — это верная и своевременная статья.

Что масса звереет, это подтверждается ростом преступлений против женской чести, ростом количества насилий над малолетними и явно болезненным характером современных убийств, которые, в большинстве случаев, сопровождаются мучительством.

Но — разве в этом повинна интеллигенция, литература? Вот, где Завражный ошибся, и это печальная ошибка, ибо она снимает вину с человека преступника, возлагая ее целиком на вторых и третьих лиц. Разве только «под влиянием развращающего чтения» просыпается зверь в русском человеке?

Кто наиболее сильно и упорно будит зоологическое начало, душит социальное? Полицейский участок, тюрьма, виселица, черносотенная пресса. Сравните возможное влияние уголовного или порнографического романа с простым газетным сообщением о порке в Псковской тюрьме, пытках в Риге, убийствах в Орловском остроге. Что здесь более глубоко действует на чувство? Роман — все-таки, выдумка, а ведь пытки, виселицы, провocations — это действительность. Это та действительность, в страшный испуг которой может завтра же попасть каждый Иван Ефимов и, живя под гнетом этой возможности, сегодня Иван — сам хочет бить и мучить людей. Это — можно понять как месть авансом. Примите во внимание, что россиянин немножко азиат и склонен к мучительству всячески, во всех отношениях.

Обвинять интеллигенцию сейчас во грехах ее — это значит углублять трещину между ею и народом. Завражному, Сивачеву и всем иным прокурорам надо помнить, что недостатки русской интеллигенции это национальные недостатки, они также свойственны Сивачеву, как и Плеханову, но — Сивачев не имеет достоинств Плеханова — вот, в чем дело.

Теперь следовало бы взглянуть беспристрастно на всю работу русской интеллигенции за сто лет — мы увидим, что это труд колоссальный, и что люди совершили его в условиях, почти невозможных не только для продуктивной социальной работы, но и для просто приличной жизни. Естественно, что многие надорвались и устали, не будем добивать их, но — если мы хотим жить, поможем пошатнувшимся, привьем им наш бодрый взгляд на жизнь, расскажем о наших надеждах и чаяниях, дадим понять тем людям, которые научили, что мы — способные ученики, преподанное нам понято нами, и доброе мы помним.

Ведь все Завражные и Сивачевы выступают против интеллигента с тем самым оружием, которое он же, интеллигент, выковал, отточил и дал им в руки — этого не следует забывать. Немножко побольше историзма, поменьше истеричности, — и все пойдет хорошо.

Вот, мне кажется, каково должно быть отношение к факту разрыва интеллигенции с народом — бороться против него, но не углублять это несчастье.

Архив М. Горького — Гос. Публичная библиотека им Салтыкова-Щедрина. Письмо — машинная копия, без даты, но, судя по упоминаниям в письме, времени после октября 1911 г.

Львов-Розачевский, В. Л. — критик (о нем см. стр. 286), между прочим, помещал критические отзывы о современной художественной литературе в газете «Живое слово».

Статья Мурашева — имеется в виду статья П. Мурашева под заглавием «Жестокая критика», — «Живое слово», 1911, № 22, 1 ввг. о книге М. Сивачева «Прокрустово ложе», повествующей о своих литературных мытарствах и о разладе между демократией и интеллигенцией. В этой статье П. Мурашев характеризовал книгу М. Сивачева как «человеческий документ, написанный соком нервов и кровью», но «наводящий тяжелое впечатление».

Статья Завражного — имеется в виду статья Г. Завражного «Толпа и интеллигенция», «Живое слово», 1911, № 10, 11 июля, трывкующая вопрос о пропасти между массами и интеллигенцией и подчеркивающая отрицательную роль в этом расколе современной художественной литературы.

М. НЕВЕДОМСКОМУ - М. П. МИКЛАШЕВСКОМУ

Михаил Петрович Миклашевский (р. 1866) — литературный критик, печатавший критические статьи под псевдонимами М. Неведомский и Обыватель и публицистику под псевдонимом Пессимист. Сотрудничал в газетах: «Русская жизнь» (1892 г.) и «Наша жизнь» (1904 г.), в журналах: «Новое слово» (1897 г.), «Начало» (1899 г.), «Мир божий» (1903—1904), «Современный мир» (1906—1909), «Запросы жизни» (1911—1912) и в других изданиях.

Большое число статей М. Неведомским написано о произведениях М. Горького, преимущественно раннего периода, об эволюции его творческого пути. М. Неведомский рассматривал творчество М. Горького с позиций меньшевиизма.

[Декабрь 1911 г.]

Дорогой Михаил Петрович!

Получил и прочитал присланную Вами Вашу статью о Горьком — хочется сказать Вам большое спасибо — знаете за что?

За то, что вы отметили „осторожность“ моих „идейных исканий“. В отношении ко мне установилась несправедливая подозрительность: заподозрен я в том, что не токмо „проповедник“, но и „насилыник“ — хватаю читателя за горло и внушаю ему: „сице веруй, азиат!“. Вы сами понимаете, сколь обидно это для меня и поймете как приятно было мне прочитать Ваши слова.

А критиковать Вас — можно? Немножко! Мне хочется сказать Вам, что в критическом взгляде Вашем есть нечто, кажущееся мне недостатком: Вы считаете писателей слишком умствующими, они у Вас слишком логичны. Думаю, что в действительности сие свойство их не так выпукло и остро, как рисуете его Вы.

Это я не про себя, или — не за себя говорю: хотя Вы и отметили во мне „устремление к инстинктивизму“, но — я себя склонен считать „личностью, умствующей“ более, чем другие. Это считается недостатком художника, вероятно таково оно и есть — недостаток. Но я умствую не лукаво и не в целях „сесть верхом на шею ближнего для того, чтобы меня издали

Если Вам улыбается это предложение — переработайте вторую главу, сообразно с новым планом и пошлите очерк на имя Евгения Александровича Ляцкого, по адресу: СПб., Каменноостровский, № 66, кв. 31.

Тогда с января месяца Ваши очерки будут печататься в журнале «Современник», который реформируется, и редактором которого является Ляцкий.

О согласии или несогласии Вашем уведомьте меня письмом.

Очень хотелось бы, чтобы Вы отнесли к «общим» не как беллетрист, а как бытописатель-историк и, поскольку это доступно Вам, как социальный психолог.

Пишите проще, объективнее и — позвольте сказать — этим Вы достигнете той мягкости, отсутствие которой очень заметно в Вашей работе.

Русские люди — люди мучительно тяжелой истории и судить их надобно, не забывая пережитого ими в веках.

Архив М. Горького — Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Письмо — машинная копия, без даты, но, судя по упоминанию о «Современнике» и редактуре в нем Е. А. Ляцкого, вероятно, 1912—1913 гг.

Е. О. СТАВИЦКОМУ

Ерофей Онисимович Ставицкий, крестьянин, повар.

Уважаемый Ерофей Онисимович!

Я прочитал ваши стихотворения и могу только повторить совет г. Войтоловского: учитесь!

Вы очень плохо знаете русский язык, пишете неправильно, у вас в стихах много слов с украинскими ударениями, а форма стиха вам мало известна.

Читайте Пушкина, Лермонтова, — особенно нужно вам знать стихи Некрасова. А из прозаиков я рекомендую Вам Лескова: великолепный знаток языка, он вас многому научит.

Прочитайте его рассказы — «Гора», «Аскалонский злодей», а лучше, — если прочтете целиком 29-ю и 30-ю книги Лескова — приложение к журналу «Нива». Эти книжки можно купить у букиниста за 20 к.

А писать — подождите. Не умея держать в руке топор — дерева не стешешь, а не зная языка хорошо — красиво, просто и всем понятно — не напишешь.

Киев. Верхняя Соломенка.

Культмен переулоч д. 18, кв. 1

Ерофею Анисимовичу

Ставицкому

Архив М. Горького — Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Письмо-черновик на 1 л. (2 стр.) почтовой бумаги большого формата с многими исправлениями.

Войтоловский — Л. Н. Войтоловский (р. 1876), критик. О нем см. на стр. 328.

НЕИЗВЕСТНОМУ

В письме М. Горького неизвестному (в письме, возможно, посланном в редакцию «Современника» или соредактору его художественного отдела Е. А. Ляцкому) дана характеристика романа В. Винниченко «На весах жизни», напечатанного позднее в сборнике 9-м «Земля». М., 1912.

Владимир Кириллович Винниченко (р. 1880), украинский писатель и политический деятель. С 1900 г. вступил в революционную украинскую партию, далее участвовал в организации украинской социал-демократической рабочей партии, в событиях 1905 г.; с 1907 г. работал, главным образом, за границей. С 1917 г. стал на Украине одним из вождей украинского национального движения, заняв соглашательскую с украинской буржуазией позицию, боролся с большевизмом и советским правительством. Вскоре эмигрировал и после временного „покаяния“ вновь поднял кампанию против коммунистической партии Украины и советского правительства. В литературной своей деятельности В. Винниченко в ранний период (до 1906 г.), отражая настроение бедняцко-батрацких масс, создает обширный ряд произведений, несущих определенную революционную направленность. В произведениях же второго периода (годы реакции) В. Винниченко уделяет преимущественное внимание переоценке моральных и социальных качеств украинской мелкобуржуазной интеллигенции, охваченной упадочническими настроениями эпохи реакции.

[до 1913 г.]

Сочинение Винниченко почти талантливо — если признать за талант трудолюбие, с коим он собрал всю грязь и мерзость жизни, дабы бросить ими в лица вчерашних „святых и героев“, ныне, как оказалось, повинных в самых гнуснейших грехах мира. О русской интеллигенции так обвинительно не говорили ни Маркевич, ни Ключников, ни Крестовский, и даже сам Дьякон-Незлобин — милосерднее Винниченко.

В сущности, старые реакционные писатели, говоря о революционерах, всегда говорили одно и то же:

— Царь! Помни про афинян!

Они отмечали в революционере динамику, они его боялись и пугали им.

— Так вот за кем мы шли? — скажет русская демократия о революционерах, накануне новой революции, в которой они снова хотят работать. [Хороша будет революция эта, если во главе ее встанут садисты и мазохисты Винниченко!]

— Так вот, кого мы боялись, вот они каковы, эти строители новой жизни? — торжествуя, скажет всероссийская сволочь, прочитав Винниченко сочинение.

Мери — несомненная садистка: распутничает, чтобы мучить мужа; он — мазохист: кротко наслаждается унижением своего человеческого достоинства, явно невежествен и глуп: ему следовало бы, как этого требует естественное чувство жалости к больной, утопающей в грязи женщине, связать и отправить ее в психиатрическую лечебницу. Вообще — Александр самая скверная литературная выдумка из всех известных мне, включая Платона Каратаева, Ивана Ланге и других уродов.

Фома — это уже не выдумка, а нечто кошмарное, особенно там, где он понуждает жену свою ночевать за 10 т. руб. с лакеем полячком. (Кстати: в романе два поляка, и оба — мерзавцы, это характерно для нации или для автора?). Жена, конечно, бывшая революционерка и, конечно, — живет на содержании у жандарма (истинное чистое искусство всегда объективно). Хорош он, Фома, также, когда уговаривает Гломбинского за пятьсот франков развратить Таню и — тоже за 500 — разрывает картину карикатурного дурака — Аркадия.

Не менее этих монстров отвратительна Таня, особенно на стр. 180, 261, 469—72; впрочем, в этом неумном сочинении нет ни одного здорового человека, причем автор, по невежеству постоянно соединяет садизм с мазохизмом — получается нечто невероятное, как Фома, Таня, Мери, Стамескин...

Общее впечатление повести таково: нет на свете людей извращеннее, распутнее, бессовестнее, глупее, чем русские революционеры. Их любимые занятия — проживание на краденые деньги, ложь, сплетня, насилие над девицами, игра в карты (проигрывают даже «Капитал», а «Исторические письма» давно проиграли), проституция, провокация, публичные драки и скандалы. Совершая все это, они утомленно говорят друг другу — ах, как тяжела жизнь! Уж если так рисует их свой же революционер, очевидно, черносотенцы свирепо правы; притом — они гуманнее г. Винниченко, я, пожалуй, я, читатель, поверю им скорее, чем ему.

Технически — сочинение слабо: мелодраматично, избытует повторениями и скучно — все герои говорят одним и тем же языком, книжно и скверно. Много пущено публицистики, карикатуры и самооднейших мнений, не прожеванных автором.

Первая глава — не нужна, в виду эпизодичности Аркадия и Адольфа. Речь Кистякова, концерт-бал с дракой — лишние. Умиравший поэт — ни с чем и ни с кем не связан; похороны написаны холодно, внешне и плохо.

На 362 странице написана статья, неоднократно печатавшаяся в лучшем стиле. Еще Тургенев учил, что стыдно писать: „Правда? — присел он“. „Да! — опустилась Феня“. „Улыбка носа“ — явление мне неизвестное. „Маленький“ в желудке голодного мужчины — очень смешно, особенно, когда „маленький“ сосет свои холодные лапы“. Это — вранье, автору незнакомы ощущения голода.

Автор слишком любит „низ живота“, где у него квартируют насильнейшие и наиболее роковые чувства.

„Жестокость без костей“ — очень тонкая вещь, должно быть, но обнаруживает путаницу в голове автора и незнакомство его с духом и музыкой языка. Этого — всюду излишек.

„Усталость была какая-то печальная“ — вы представляете себе какую-то веселую усталость?

„Сволочи мы, — почему-то печально подумал он“. Странный парень — почему-бы ему печалиться?

Эти перлы — на каждой странице.

Вообще со всех точек зрения — сочиненьце дрянное.

Вы, может быть, сделали-бы доброе дело, посоветовав автору прочитать «Марево», «Панургово стадо», «Чад жизни», «Кружковщина» — наши лучшие люди, гордость нации — Незлобина-Дьякова, «Что делали в романе „Что делать“» — Цитовича, «Нигилистов» Цюна; пусть он, невежда, посмотрит куда попал со своим злопахательством. Он увидит в этих книгах, что вся грязь, какую можно собрать и бросить в лицо и сердце замученной русской интеллигенции — уже собрана и брошена, не хуже, чем он делает это.

А мне, пожалуйста, отныне не присылайте писаний Винниченко, я знаю литературу этого направления и она меня не интересует.

Я, конечно, понимаю, что он пишет из желания „послужить правде“, но — я знаю также и о том, что некоторые служащие опаснее врага.

И не могу не думать, что в его стремлении услужить слишком много злопахательства сознательного. Он не свидетель, а — судья; неправедный, при этом, и, должно быть, больной, что ли?

Архив М. Горького — Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Письмо — машинная копия с автографными поправками, без даты, но, судя по дате напечатания романа В. Винниченко, — до 1913 г.

Плотин Каратаев — персонаж из романа «Война и мир» Л. Толстого.

Иван Ланге — персонаж из рассказа «Смерть Ланге» М. Арцыбашева.

Маркевич Б. М. (1822—1884), автор многочисленных романов, проникнутых ярко реакционными течениями. Ему принадлежит драма «Чад жизни», впервые напечатанная в приложении к газете «Гражданин», 1884.

Клюшников В. П. (1841—1892), беллетрист-реакционер; ему принадлежит упоминаемый в письме М. Горького роман «Марево». М., 1873.

Крестовский В. В. (1840—1895), беллетрист — сторонник самодержавного строя; ему принадлежит упоминаемый в письме М. Горького роман «Панургово стадо».

Дьяков-Незлобин А. — псевдоним беллетриста-фельетониста А. А. Дьякова (1845—1895), бывшего революционера, затем писавшего злобные пасквильные романы на революционеров, вроде романа «Кружковщина. Наши лучшие люди и гордость нации». Одесса, 1879.

«Капитал» — К. Маркс.

«Исторические письма» — сочинение П. Л. Лаврова (1823—1900), виднейшего идеолога народничества, имевшее в 70-х гг. огромное влияние на молодое поколение своим обоснованием „уплаты долга“ народу и трактовкой исторической роли „критически мыслящей личности“.

Цитович П. П. — правовец, автор ряда памфлетов против передовых деятелей в нашей литературе. в конце 70-х гг. XIX в., среди них — «Что делали в романе „Что делать“». Одесса, 1879 (Хрестоматия «Нового слова»).

Т. УХМЫЛОВА

ПИСЬМА НАЧИНАЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ М. ГОРЬКОМУ

1

В архивах М. Горького, хранящихся в рукописном Отделении ИРЛИ АН СССР и в Гос. Публичной Библиотеке им. Салтыкова, имеется свыше ста неопубликованных писем к М. Горькому начинающих писателей. Из этого количества, за недостатком места, нами отобрано 40 писем, относящихся к определенному периоду, к 1914—1916 гг. Корреспонденты (их одиннадцать) — писатели пролетарские: М. Герасимов (4 п.), Журавлева, М. (3 п.), Малышев, С. (2 п.), Садофьев, И. И. и так называемые писатели из народа: Вольнов, И. (17 п.), Карпов, П. (1 п.), Лаврентьев, Ив. (5 п.), Тачалов, И. (1 п.). Отдельно стоят: Тренев, К. (4 п.) и Палей, А. (2 п.).

Вопрос о роли М. Горького по отношению к начинающим писателям уже неоднократно освещался в печати.¹ Однако многочисленные неизданные письма из архива М. Горького сообщают свежий материал, проливают яркий свет на то воспитательное, организаторское и иное значение, которое имеет М. Горький для роста новых талантов.

„Если бы можно было собрать все его письма — пишет о М. Горьком Ф. В. Гладков, — без сомнения мы пришли бы в изумление от беспримерной способности этого большого человека неотразимо касаться своим сердцем нутра юнцов и волновать их неотразимой силой“.

И действительно — сила и влияние М. Горького на писателей, выходящих из глубин широких масс, изумительны.

Уже молодой М. Горький был образцом для начинающих писателей из рабочих, крестьян, солдат, ремесленников и т. д. Он является их старшим собратом по перу, их организатором. Уже в конце 90-х годов редакция петербургского журнала «Жизнь» пересылала рукописи художественных произведений жившему тогда в Нижнем Новгороде М. Горькому, который с необычайным вниманием и заботливостью читал и исправлял их.

¹ См. И. Макарьев «Пометки Горького на книжках начинающих писателей», М., 1932; И. Клейнборг «Очерки народной литературы», Л., 1924; кн. Н. К. Пиксанова «О классиках», М., 1933; ст. А. Богданова «Горький и начинающие писатели» в журн. «Земля Советская», 1928; ст. П. Ключарева «Максим Горький и современные писатели» в журн. «Народный учитель», 1928; воспоминания самих писателей и проч.

Революция 1905 г. обусловила новый подъем художественного творчества представителей широких масс. „Об исторических событиях надо судить по движениям масс и классов в целом, а не по настроениям отдельных лиц и группок“, — писал Ленин, анализируя события 1905 года. — „Заработная плата рабочих, — продолжает Ленин в другой статье об этой эпохе, — повышалась в этот год, как никогда. Арендные цены на землю падали. Всякие формы объединения рабочих — вплоть до прислуги — росли с невиданным успехом. Миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, массой, толпой, «низами» так жадно, как никогда еще дотоле не читал в России. Демократическая книжка стала базарным продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову, — как и всякому порядочному человеку на Руси, — была пропитана сплошь эта новая базарная литература“.¹

Подъем общественного самосознания в массах подтверждался и еще одним из особенно показательных общественных явлений — литературным движением. Массовое литературное движение в России во многом обязано М. Горькому. За время с 1906 по 1910 г. М. Горьким было прочитано более 400 рукописей, авторами которых в большинстве были рабочие и крестьяне.

В эпоху становления пролетарской литературы, когда пролетарские писатели объединялись вокруг «Правды», когда тесные редакционные комнаты последней превращались в школы, где рабкоры фабрик и заводов учились писать, Горький становится постоянным сотрудником большевистской прессы. Живя за-границей, он не перестает быть руководителем начинающих художников слова, объединяет писателей-политэмигрантов за границей, сколачивает демократическое ядро художников вокруг «Знания», редактирует первый сборник пролетарских писателей в 1914 г.

В 1911 г. М. Горький выпускает статью «О писателях-самоучках». „Я крепко убежден, что пролетариат может создать свою художественную литературу, как он создал с великим трудом и огромными жертвами — свою ежедневную прессу. Это убеждение выросло на почве долговременных наблюдений моих за усилиями, которые сотни и сотни рабочих, ремесленников, крестьян упрямо тратят в попытках изложить на бумаге свои думы о жизни, свои наблюдения“ — пишет в это время Горький.

Круг писем, отобранных нами из огромного количества их, относится, главным образом, к 1914—1916 гг., т. е. к тому времени, когда М. Горький, возвратившись из-за границы после вынужденного пребывания там, активно помогал партии большевиков во всех сферах ее деятельности, и, главным образом, по линии политики ее в области культурных задач пролетариата.

¹ Ленин, т. XVI, стр. 131—132.

В эти годы М. Горький, по предложению Ленина, руководит литературным отделом журнала «Просвещение», спешно приступает к изданию альманаха пролетарских писателей, намечает к изданию целую серию таких сборников.

Грандиозно задуманное предприятие приостанавливается вследствие закрытия «Правды», ареста и ссылки ряда сотрудников ее. Но поэты-пролетарии Петербурга, организованные М. Горьким в литературную группу, не порывали с ним крепкой связи. М. Горький выдвигает их имена, пишет о них статьи, ведет с ними огромную переписку, откликается на их призывы о литературной помощи и проч.

2

Но не только пролетарским писателям помогает М. Горький, — наряду с ними он помогал также и писателям-самоучкам из „народа“. Когда в 1901 г. А. И. Якимирский задумал собрать и издать подробные сведения о русских самородках, то на его обращение к самоучкам и ко всем начинающим он получил в течение года до двух тысяч откликов со всех сторон России. Собрание этих материалов хранится в настоящее время в Архиве Института Русской Литературы (ИРЛИ).¹

Около М. Горького быстро росло гнездо самоучек. И это неудивительно. М. Горький заражает их своим литературным талантом, своей неутомимой творческой энергией. В М. Горьком они видели своего брата. Так же, как и они, М. Горький начал свой путь без систематического образования. Так же, как и их, жизнь не баловала М. Горького.

Но это были в большинстве не только второстепенные, а даже третьестепенные писатели. Им не хватало кругозора. Редко кто из них сознательно разбирался в задачах поэзии. Если они и пишут на социальные темы, то часто в силу подражания.

Но они рвутся к литературной жизни, заявляют о себе. Они пишут друг о друге, помогают друг другу в издании своих сборников. И. З. Суриков всюду толкался по редакциям с просьбой поместить произведения поэтов-самоучек, издавая сборник произведений — «Рассвет», М. А. Леонов (отец Леонида Леонова), собирал вокруг себя группу начинающих писателей „из народа“. Ив. Белоусов издает два выпуска сборников «Родные звуки». С 1908 по 1915 г. выходит более 50 книжек молодых писателей „из народа“.

Силами самих самоучек издается периодика «Доля бедняка», издаваемая И. Травиним, и суриковский журнал «Друг

¹ Но А. И. Якимирский путает „выходцев из народа“ и остающихся в массах, называя и тех и других самоучками из народа. „Выходцы из народа“, попадая в буржуазное общество, воспринимают идеологию этого общества, и из них нередко рекрутируются различные агенты буржуазии, помогающие последней эксплуатировать массы.

народа». Задачи «Друга народа» сводились к объединению народной интеллигенции «для мирного труда, для разрешения мирным путем неотложных задач жизни. Обогатившись духовно, мысленно будем устраивать свою жизнь на тех началах справедливости и разума, о чем до нас думали многие лучшие интеллигенты». Так говорилось в программной статье № 1-го «Друга народа» за 1915 г. Отдельные книжки самоучек издаются большей частью лубочниками и, хотя расходятся десятками тысяч экземпляров, но доставляют их авторам жалкие гроши. Вот что пишет Ожогов, автор нескольких книжек стихов, по поводу эксплуатации самоучек лубочными издателями: лубочники «соблюдают исключительно свой интерес наживы. Интересы же автора и читателей совершенно забываются. Между тем книги мои идут у них не в пример другим авторам-поэтам, десятками тысяч. Каждое издание расходуется в один месяц, так что трудно бывает потом приобрести их мне самому. Издатели мои, то, что обещают заплатить, не платят и половины, пользуясь моим затруднительным положением».¹

Из письма С. Фомина² видно, что суриковцы, издавшие уже двадцать своих брошюр, ставят вопрос об организации своего журнала по образцу миролюбивого «Журнала для всех».

«Писатели из народа» — большей частью представители среднего крестьянства и городского мещанства — восстают против буржуазных писателей. К 1913 г. они представляли определенную литературную величину, которая могла противопоставить себя художникам из буржуазной интеллигенции. Они возмущены господствующим положением писателей-интеллигентов.

«Какое мне дело, наконец, — возмущенно заявляет поэт из рабочих В. Д. Ляпунов писателю и публицисту М-ову, — что это немножко беспокоит и раздражает ваш слух... Разве нас не раздражает Ваше красивое переливание из пустого в порожнее, когда громадное большинство читающих не знает и половины того, что делается в темном царстве рабочего люда?»³

В 1911—1912 гг. появляется «Прокрустово ложе» (записки литературного Макара) Мих. Сивачева. В этом произведении Сивачев проводит мысль, что литераторы разлагаются, что литература находится в руках кучки журналистов, использующих журналы в личных целях, приводит ряд фактов, характеризующих ту пропасть, которая образовалась между интеллигенцией и массами.

Вот интеллигент — социал-демократ, руководитель политического кружка, попал в ссылку вместе с членами своего кружка.

¹ Письмо хранится в Архиве Института Русской Литературы Академии Наук СССР (Ирли).

² Там же.

³ А. И. Ядмирский. Русские писатели в роли руководителей поэтов. Приложение к «Ниве» за 1903 г., № 3.

Но какая разница между ними! В то время, когда рабочие социал-демократы голодали, рады были тюрьме, там хоть хлебом кормят, их «руководитель» получал от родителей по 100 рублей в месяц, а по возвращении из ссылки попадает в большую литературу и живет лучше прежнего.

Писатели-интеллигенты стараются заработать деньги на несчастье другого жалостливыми произведениями вместо необходимой активной помощи человеку. «Четверть часа на кухне писателя убедили меня, — пишет Сивачев, — что люди высокие стремления ценят только в том человеке, который у них ничего не просит...»

«...Мы захлебываемся в восхищений о талантливых самородках, мы изнываем в соболезнованиях о гибели этих самородков под гнетом нужды, но боже упаси самородка, если он вообразит, что ему должны помочь: мы забудем свои прекрасные слова и делом своим дадим ему почувствовать: «Осади назад. Туда в тьму невежества и когти нужды, туда, где ты задыхался, — говорит М. Сивачев. — Интеллигенция, жизнь которой должна быть посвящена «народу», забыла об этом своем назначении, — развивает Сивачев свои мысл. Самоучки требуют уважения к общественным низам, внимания к себе, как к представителям этих низов, к своим поискам, к работе своей проснувшейся мысли».

Писательница из народа Н. Санжар¹ ищет человека среди интеллигенции и не находит. П. Карпов в своем произведении «Пламень» описывает ненависть народных масс к общественным верхам.

Еще в 1911 г. М. Горьким был подмечен этот разрыв между интеллигенцией и массами, отрицательное и враждебное отношение последних к интеллигенции. Он пишет: «Это настроение, по-видимому, очень глубокое: оно, как будто все более разрастается, и может быть, способно еще расширить давнишний, многократно оплаканный разрыв между культурными людьми и массой». «Прочитав весь мой материал за один прием, я был поражен, и, прямо скажу, несколько испуган противоречием между человеком страшной жизни и интеллигентом». «Чтобы читателю было ясно, как далек я от преувеличений, — рекомендую его вниманию «Записки литературного Макара». Автор этих записок, рабочий Сивачев, и в них внимательный читатель увидит, чем грозит этот разрыв интеллигенции с народом».

М. Горький призывает интеллигентов помочь начинающим писателям-демократам в их творческой работе, быть им друзьями, учителями, но не примером всяческих духовных искажений. Он объясняет враждебное настроение демократии к интеллигенции непрязнью рабочих и крестьян к истерическим капризным

¹ Одно письмо хранится в архиве Горького в Ирли, другое — в Публ. Библ. им. Салтыкова-Щедрина.

выходкам признанных литераторов, „уставших от сложности современной“.

Строгое критическое отношение писателей из низов к интеллигенции, культуре и науке, стоявшей на службе господствующего класса, безусловно носит в себе здоровое демократическое начало, — требования их знания, просвещения, руководства со стороны интеллигенции совершенно правильны.

Ленин еще в 1905 г. звал интеллигенцию на помощь массам, „Интеллигенция более способна выражать интересы широкой массы мелкой буржуазии и крестьянства. Она более способна поэтому, при всей ее неустойчивости, к революционной борьбе с самодержавием, и при условии сближения с народом она может быть крупной силой в этой борьбе. Бессильная сама по себе, она могла бы дать весьма значительным слоям мелких буржуа и крестьянам как раз то, чего им не достает: знание, программу, руководство, организацию“.¹

Неудивительно, что и та интеллигенция, которая отвернулась после революции 1905 г. от стремлений народных масс, так обрушились писатели из народа.

М. Горький становится на защиту массового писательского молодняка.

3

В 1914 г., в эпоху подъема рабочего движения и начала мировой войны, к М. Горькому тянутся все антишовинистически настроенные группы писателей и одиночки.

В 1915 г. М. Горький основывает журнал «Летопись».² Как хозяин журнала, М. Горький проводит здесь активную работу по объединению вокруг художественного отдела, которым он руководит, ряда талантливых поэтов и писателей, выдвигает начинающих писателей, близких по своему направлению пролетариату. В «Летописи» выдвигаются М. Герасимов, И. Филиппченко, В. Маяковский, К. Тренев, Ив. Вольнов и целый ряд других писателей демократического крыла.

В эти годы, когда почти не было отдушины для пролетарских писателей, когда такому поэту, как Демьян Бедный, приходилось только изредка подавать свой голос в мало имеющих отношения к художественной литературе журналах или в оборонческом «Современном мире», когда по рукам солдат и рабочих ходили нелегальные листовки с антишовинистическими и антиимпериалистическими стихами, когда охранное отделение стояло на страже интересов царского правительства, когда буржуазная интеллигенция, продавшись империалистам, пела

¹ Т. VI, стр. 432.

² Выходил в Петрограде с декабря 1915 г. по декабрь 1917 г. Всего вышло 25 книг.

гимны истребительной войне, помещала в прессе архипатриотические произведения, — литературный отдел «Летописи» имел определенное значение, как протест против торжествующих патриотических настроений.

Многочисленные письма тех лет к М. Горькому свидетельствуют о той агитационной роли, которую он играл среди писателей, поддерживая в них отрицательное отношение к войне. Отовсюду, со всех концов России и с фронта он получал рукописи художественных произведений, в которых выражался протест против империалистической войны и империализма, но которые по условиям времени не могли попасть в печать.

„Молодым начинающим талантам он (Горький) открывал широкий путь в журнал, вспоминает тов. Арский, редактор «Летописи», — а тех, кого нельзя было печатать по различным соображениям, тоже не оставлял без поддержки и ободрения. К нему заглядывали десятки разных лиц, и со всеми он по долгу говорил, отрывая для этого от своего перегруженного работой дня“.¹

И накануне 1917 г., когда часть интеллигенции растеряла последние связи с рабочими, М. Горький попрежнему играл огромную роль в литературной политике пролетариата.

4

После Октябрьской революции М. Горький попрежнему помогает писателям словом и делом, попрежнему является их литературным наставником. Многие писатели по-октябрьской эпохи обязаны своей литературной работой, своими произведениями М. Горькому — их неутомимому помощнику и советчику.

В 1921 г. М. Горький по болезни уезжает из России, но это не мешает ему держать крепкую связь с писательством. «Писем из России я получаю не мало, — пишет М. Горький. — Конечно, много пустяков пишут, а в общем это меня не отягощает, потому что большинство корреспондентов — „простой народ“ — рабкоры, селькоры, начинающие писатели из этой среды, и мне кажется, что пишут они от души, трогательно, даже и тогда, когда поругивают меня за излишний „оптимизм“».

Какая же сила притягивает к М. Горькому начинающих писателей всех толков и направлений?

Это, во-первых, его талант, на который равнялись и равняются начинающие писатели, талант, который чутко откликается на пробуждающиеся художественные силы в недрах широких масс. Во-вторых — его заразительный личный пример, когда без систематического школьного образования писатель достигает вершины знаний современного ему общества, поднимаясь из застойных низов, сквозь тяжкие лишения и испытания.

¹ В сб. «Горький — воспоминания», под ред. И. Грузева. Л. 1928.

Этот пример окрыляет и других надеждой, заражает стремлением также пробиться сквозь толщу различных социально-экономических преград к культуре и художественному творчеству.

Вот писатель из народа — М. И. Ожигов. Он преклоняется перед этими особенностями М. Горького. „Я имел случай прочитать несколько Ваших рассказов, и каждый из них произвел на меня неотразимое впечатление: удивление и восторг... Выражения меткие, образы чудные, точные, как отражения в зеркале. Все картины не просто художественны, а более. Язык настоящий, народный, той среды, которую Вы изображаете в рассказах... Все это свидетельствует о необыкновенном, выдающемся таланте и о том, что Вы отличный знаток — писатель. Я не удивляюсь, что Ваше имя гремит славой... к тому же, очевидно, что слава и честь достались Вам ценою многострадальной горькой жизни, усиленным самообразованием и настоятельным опытом труда в творчестве, независимо от природного дара, а на это надо было немало физических сил. Да здравствует Ваша муза! Да живет и возвышается народный гений света над гениями тьмы!

Меня, простите за любознательность, крайне интересует Ваша личная жизнь, вот почему и не удержал себя от попытки обратиться к Вам с просьбой, не найдете ли возможным удовлетворить мое дерзкое желание получить от Вас ту книжечку, где может быть, напечатана Ваша биография или автобиография. Я о себе пока ничего не пишу Вам. Думаю, что некоторые герои Ваших рассказов знают меня, но на всякий случай посылаю Вам почтой свою краткую автобиографию...“¹

Илья Садофьев пишет М. Горькому: „Вы не только писатель-профессионал и не только редактор, но Вы учитель наш и в то же время — близкий друг — товарищ“.²

Возьмем любую биографию из этих писателей-корреспондентов М. Горького и мы увидим много общего с биографией Горького. Все эти Васильевы, Вольновы, Герасимовы, Дружинины, Малышевы, Низовые, Садофьевы, и т. д., и т. д. в жизненном пути имеют много сходного с М. Горьким, на него и его творчество смотрят как на пример возможности добиться желанной цели.

„Меня не удивляет, что Вы мне пишете: ведь Вы зовете всех стать людьми и, конечно, сами исполняете свои заветы о человеке. Вы не можете отказать просящему, иначе в Ваших словах будет какой-то обман: советуя жить определенным образом, Вы для себя жизнь устраиваете по иному. Этого нет, оттого то, что Вы говорите, убеждает“.³

¹ Из письма М. И. Ожигова, 1902 г., в ИРЛИ.

² Из письма И. Садофьева, публикуемого ниже.

³ Из письма П. Никитина — в ИРЛИ.

Такие корреспонденты М. Горького, как Лаврентьев, Палей, Подьячев, Карпов, Фомин, Касаткин, Тачалов и т. д. и т. д. — крестьяне по происхождению, получившие лишь начальное образование или совсем без него, все начинали работу в городе, в качестве „мальчиков“, все бессистемно и жадно учились, мечтали о школьной деятельности в деревне, как о высшем идеале. Крестьянская струя в литературе была уже очень сильна в годы после первой революции, — М. Горький старался давать правильный выход этим силам.

Но М. Горький не спешит вытискивать в писательские ряды всех подряд, — он выбирает, он знает, что есть из чего выбирать, что в массе рабоче-крестьянской хранится запас неиссякаемых, непочатых дарований. Он ищет прежде всего дарования в новичке, и только тогда советует ему писать и дальше. Но предостерегает против дешевого успеха.

„Отвлекать работников от обычной их работы ради дешевого успеха не стоит. Нехорошо развивать в них самообольщение, это их унижает“ — возражает М. Горький Ермилову по поводу привлечения в журнал суриковцев¹ — поэтов из народа, не обладающих талантом. „Из Ваших рассказов я вынес впечатление, что Вы будете писать, как пишут многие, но ради этого поддерживать вас не стоит“, — говорит он Сивачеву, и только после того, как Сивачев прислал второй рассказ, лучше прежних, М. Горький начинает поддерживать автора.

И вполне понятно, что отношение самоучек из „народа“ к М. Горькому не всегда было ровное, очень часто они сразу не могли понять его (доказательством этому служат письма С. Фомина, хранящиеся в ИРЛИ).

Горький помогал писателям искать выход из „идиотизма деревенской жизни“. Когда нижегородский поэт Новиков спорил с ним по вопросу о задачах поэзии,² Горький возражал против бесцельного нытья о „беспросветной тьме“ и „безысходном горе народном“.

„Вот если бы Вы, — говорил он Новикову, — получше познакомились с тем, о чем пишете, если бы жизнь как следует поломала Вас самих, — тогда дело другое, и стихи у вас выливались бы правдивее“.

Но идеалы „самоучки“ из деревенских низов, порожденные наличностью эксплуатации, противоположны господствующей системе — задаче М. Горького и сводилась к вопросу о построении этих идеалов с точки зрения пролетариата. Уделяя значительное внимание самоучкам, Горький осуществлял тем самым большевистскую политику помощи массам.

¹ „Друг народа“ — издание суриковского литературно-музыкального кружка 1915 г., редактором которого был Ермилов.

² См. Воспоминания А. Сулова в ст. А. И. Яцимирского „Русские писатели в роли руководителей поэтов из народа“ в прил. к „Ниве“ за 1903 г.

Требовательный к себе, М. Горький требователен и к начинающим писателям. Он советует им критически относиться к своему творчеству. Он предъявляет им строгие формальные требования, учит технике художественного письма, учит любить язык. Больше работает над словом, над строением фразы — вот его требование к начинающим писателям. Нужно уметь ощущать силу слова, в которое выливается творческая мысль, нужно, чтобы слово было эквивалентно мысли, вот почему необходимо бережно относиться к слову.

„Запас слов у вас крайне беден, и вы постоянно повторяетесь. Не думайте, что страшными словами можно чего-то достичь — все эти ваши тигры, громы, безумия и проч. — не производят никакого впечатления. Возьмите «Бежин луг» Тургенева или «Река играет» Короленко — как просто и хорошо, возьмите Бунина «Захар Воробьев» — просто и страшно¹. Он требует серьезного отношения к творческому труду, к технике писательского дела, к работе над самим собой, укоряет за неряшливость, журит за небрежность. В предисловии к сборнику пролетарских писателей в 1914 г. он высказывает пожелание, чтобы организовать периодическое издание с целью изучения литературной техники, где бы печатались популярные статьи „о стиле, об языке, о формах построения рассказа, драмы, о законах стихосложения и т. д.“

Труд и терпение рекомендует он писателям. Труд — прежде всего, труд даже важнее таланта. Не удовлетворяться написанным, а стараться писать лучше, работать не покладая рук, не торопиться сдавать в печать свои произведения, чтобы не стыдиться своих прежних промахов; большие работы растут медленно, — убеждает он своих младших собратьев по перу.²

Горький, конечно, не ограничивается указанием на необходимость упорной работы над формой, над техникой писательского дела. Он призывает творить неутомимо новое, связывать это новое со старой культурой, критически использовать наследие прошлого.³ Он советует учиться наблюдать жизнь всегда, каждый день, каждый час, советует „читать и читать“, как можно больше — и хорошие книги⁴. Он рекомендует читать буржуазных классиков, учиться у них, взять старую культуру, практически использовать ее, развивая свою собственную пролетарскую культуру. Но буржуазных писателей нужно использовать критически.

¹ Из письма М. Горького к П. А. Берсеневу, в ИРАИ.

² Советы нижегородскому поэту А. Суслову, совет Демидову по поводу его «Жизни Ивана».

³ См. книгу Макарьева «Пометки М. Горького на книжках начинающих писателей».

⁴ Из письма к Сивачеву.

„Стихи ваши мне очень не понравились, — пишет он позднее Ангелису Лбовскому, — но должен сказать, что я плохой ценитель стихов. Говорю это не для утешения вашего. Не нравится мне форма стихов. Наивность ее кажется мне деланной, нарочитой, не из души, а от ума, ум же ваш, видимо, уже засорен „книжностью“. Плохи стихотворения „психологически“, плохи и технически, содержание же их, на мой взгляд, совершенно лишено своеобразия. Чувствуешь, какие книжки читал Лбовский, но самого Лбовского — не чувствуешь. А ведь важно не то, как вы восприняли чужие настроения, а то, как вы сами видите мир и человека, ось его.

Очень удивлен тем, как вы именуете себе поклонником Р. Тагора, который лишь тем интересен, что просеивает англосаксонские мысли сквозь индусский мозг, отчего одинаково сильно портытся и чужие мысли, и мозг Тагора. Англичане уже указывали Тагору на его зависимость от Перси Шелли. Вот все, что могу сказать. Не обижайтесь. Дело серьезное и требует строгой правды. Я вижу правду так, как предложил ее выше¹.

И начинающий писатель, если был чуток, глубоко воспринимал уроки М. Горького. „Теперь я очень понял вашу мысль: надо расти вглубь, вширь“ пишет ему в ответ один из многочисленных корреспондентов.²

Разумеется, не об одной только форме пишет М. Горький своим корреспондентам; он стремится воздействовать на их мировоззрение. „Внимательное отношение ваше к моим стихам растрогало меня до чрезвычайности... Я перечитал свои стихи без прежнего восхищения. Они показались мне, точно, слабыми. Дело, конечно, не в технике — техника дело наживное, — а в выборе тем, в сюжетах. Темы и сюжеты, действительно, не отличаются у меня особенной самостоятельностью³“, — это одна из типических выдержек из писем к М. Горькому.

Критическое усвоение наследия буржуазной культуры невозможно без развития марксистского мировоззрения. Не даром Горький советует в литературно-художественном журнале ВЦСПС „наряду со статьями о технике литературы печатать статьи по диалектическому материализму и по истории литературы“, недаром программа организованной им «Литучебы» предусматривала отдел диамата. И не только советует он читать книги, но и раздает их всем, нуждающимся в них. Его библиотека — это как бы коллектор, который распределяет прибывающие в него книги читателям М. Горького, начинающим писателям и тем, кому трудно достать ту или иную редкую книгу. — „Было похоже, что он раздает нам, подмастерьям, рубанки и молотки для работы“ — метко сказал К. Чуковский.⁴

¹ Письмо хранится в ИРАИ.

² П. Никитин, — письмо хранится в ИРАИ.

³ Там же.

⁴ Из воспоминаний Чуковского, в сб. «Воспоминания» под ред. И. Груздева.

Особенность манеры М. Горького в его суждениях о работах начинающих писателей состоит в том, что он высказывается, как-будто, о частных случаях, о конкретных недостатках — но, однако, так, что общий вывод сам собою напрашивается, так, что произведение получает освещение в неразрывном единстве мировоззрения и техники письма.

„Вот это картина“, надписывает М. Горький на полях рукописи Демидова «Жизнь Ивана» в том месте, где описывается хладнокровие мещанина, убивающего на шкуры обессилевших от голода лошадей.

„Вот это интересно рисует жизнь“ пишет он в другом месте, где рисуются страдания семьи в угарной избе, и вычеркивает излишние длинноты. „Так нельзя писать — день за днем, это не роман“, делает он указание автору.¹

Он требует от писателя правдивости изображения действительности и способности обобщения. В письмах начинающих писателей, хотя и негативно, но ярко отражена та простота и скромность, и вместе с тем вдумчивость и чуткость, которая характерна для М. Горького.

„Я никогда не учил и не учу, я только рассказываю, а иногда советую“ — говорит М. Горький по поводу претензий к нему со стороны самоучек.

По письмам начинающих писателей видно, что он всем отвечает на вопросы, дает практические советы, подбадривает писателя и второстепенного и даже третьестепенного, собирает их: „ведь писатель — это подсобная сила в деле просвещения масс, в деле тяжелой черновой работы“ по расчистке почвы для России, как дивилизованного Государства западной Европы (писал он в 1911 г. в статье «О писателях самоучках»), в нынешнем деле построения социализма и перехода к бесклассовому обществу“. И он не только отвечает на присланные письма, больше того: сам по собственному почину посылает письма впервые приходящим в литературу.

„Многоуважаемый Алексей Максимович, — пишет один из них. Я — автор стихотворения «Моему чорту», шлю Вам большое спасибо за Ваше внимание ко мне. Вы изъявили желание познакомиться с моей прозой. Это ободряет меня, я теперь смелее пишу Вам. Вместе с этим письмом я посылаю Вам свою рукопись под заглавием «Практическое руководство по искусству жить». Мне бы очень хотелось напечатать ее, еслибы только она оказалась годной для этого. Пусть в ней нет литературных достоинств, но она освещает один очень темный и страшный уголок жизни“ и т. д.²

¹ Орывок этой рукописи Демидова хранится в ИРЛИ.

² Из письма А. М. Бурлакова; хранится в Архиве Института Русской Литературы Академии Наук СССР.

На всем протяжении своей литературной деятельности М. Горький беспрестанно заботится о писателях, впервые идущих в литературу: просит редакторов принять в печать произведения их, десятки книг различных авторов издаются с его предисловием, он правит их рукописи, интересуется процессом их работы, отводит им в журнале место рядом со своим именем.

„Попросите Ладыжникова познакомить Вас с Ал-дром Ник. Тихоновым, о коем я Вам говорил уже. У этого Тихонова есть знакомства в среде пишущей молодежи, да и сам он может быть весьма полезен Вам“.¹

„Дорогой Евгений Александрович, пишет он редактору журнала Ляцкому. Посылаю повесть Тимофеева «Сухие сучки». Мне кажется, что ее следует напечатать — написана она недурно и должна вызвать в „уездной России“ сочувственный отзыв. Надо, чтоб телеграфисты, дьяконы, доктора знали, что они не забыты, о них думают, пишут, и не одиноки они на обширной русской земле. „Задача служебная“, — да, но журнал не должен уклоняться от выполнения этой задачи“.

„Рассказ Семенова можно сделать очень интересным, я попробую.² «Хозяина» отложите на март, апрель, а в феврале пускайте «Кладбище» — рукопись передаст Вам Ив. Павлович. Я очень прошу Вас поместить вслед за этой вещицей стихи Астрова, весь цикл, — они по настроению сливаются с психологией „проходящего“. В них ценно именно бодрое настроение, нам оно должно быть дорого. Я вижу, что автор слишком пленен Бальмонтом, но он скоро уйдет от этого плена, мы ему поможем освободиться и найти свою форму“.³

„Посылаю рассказ Силыча. Не бог весть что, но берет за душу своей суровой правдой. Приложена рецензия о книге Криницкого, стихи Старка и Семена Астрова. Последний — рабочий, обратите внимание на тон стихов, этому парню 25 лет, он усердно работает над собою, я жду от него не мало.“⁴ „Стихи Астрова — отложите, pošлю автору для некоторых исправлений. Речь в них идет о „счастье жить“ — каково“⁵ „...Посылаю стихи Астрова, это рабочий. Будьте добры поместить их в декабре, тотчас же вслед за моим рассказом, если это можно...“⁶ О том же просит М. Горький несколько раз и относительно Ласковой.⁷

¹ Из письма к Е. А. Ляцкому, ИРЛИ.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Из письма М. Горького к Ляцкому, ИРЛИ.

⁵ Приписка в письме к Ляцкому, ИРЛИ.

⁶ Там же.

⁷ Письма ее к М. Горькому хранятся в ИРЛИ — в Рукоп. Отд.

И хотя ни Астров, ни Ласковая не оправдали надежд М. Горького, тем не менее его заботы о них поучительны для писателей старшего поколения в отношении литературного молодняка.

Но М. Горький не только помогает начинающим писателям, а и строго требует от них. Он не увлекает их радужными перспективами, но указывает на огромные трудности писательского пути, он против снисходительной критики к начинающим писателям, критики, которая может помешать процессу упорной работы над собой. И не раз приходилось М. Горькому сбивать спесь такому начинающему писателю.

Как-то нижегородский поэт, самоучка Новиков, принес ему стихотворение, где была фраза: „Мой голос, как колокол правды, звучал“. Прочитав эти строки, М. Горький заметил, что нигде не слышал, чтобы голос Новикова звучал, как „колокол правды“.

Помимо литературной помощи М. Горький помогает писателям зачастую и материально: мало устроить в журнале произведение, нужно получить за него и гонорар. И здесь на помощь приходит М. Горький.

„Спасибо Вам, милый Алексей Максимович, за такую огромную сумму, которая меня очень изумила, так как я, судя по прежним моим гонорарам, рассчитывала как-раз на 40—45 р. Мне даже показалось, что «Летопись» впадала в какое-то недоумение — но адрес и фамилия моя — значит так — пишет Ласковая. Она просит у М. Горького советов по каждому вопросу, связанному с материальными, издательскими делами.

И писатели, ободренные М. Горьким, не только просят за себя, не только посылают свои произведения на отзыв, но ходатайствуют и за своих товарищей по перу. Тренев просит о Суслове, Тальникове, Дермане; Санжар просит навести справку о Пимене Карпове; Вс. Иванов ходатайствует об отзыве на книгу Худякова; Анучин шлет М. Горькому для отзыва произведения начинающих сибиряков и других „таежных людей“; Ив. Лаврентьев просит о некоем Дитякине и т. д., и т. д.

Нередко писатели эгоистически, по мелочам, в бытовом порядке, используют положение М. Горького. И часто окрыленные надеждами от похвал М. Горького, они просят к нему ближе, жить около него, на Капри, в Ленинграде и т. д. Трудно перечислить все те виды помощи, которые оказывает М. Горький начинающим писателям. Бывало иногда и так, что, преклоняясь перед талантом М. Горького, почтительно прислушиваясь к его советам, писатели не раз обижались на оценку М. Горького. Вот Г. Гребенщиков — литератор-сибиряк, ныне бело-эмигрант — резко меняет тон писем после того, как М. Горький не принял его произведение. Сначала он писал М. Горькому: ¹ „О Ваших очерках не говорю. Я к Вам пристрастен. О Вас я могу говорить только

¹ Из архива М. Горького, хранящегося в ИРЛИ, датиров. 25 декабря 1915 г.

очень высоким стилем, а в лицо Вам как-будто это неудобно... Смешно сказать — от Вас я даже оплеуху бы стерпел. — Так велико к Вам мое пристрастие... Очень хочу Вас видеть. Чуть-точку хочу поспорить о «Потанине»... Не так ведь легко согласиться, что он не годен для журнала... Удивляюсь, что неприятно складывается все вокруг моих «Чураевых»... Мне очень грустно, что, видимо, для «Летописи» Вы не берете повесть, и что появление ее в свет откладывается, быть может, на годы... Может быть, Вы пересмотрите Ваше решение и начнете печатание в марте или апреле. Ручаюсь Вам, что каяться не будете и читателя не рассердите. А мне так хочется выйти с этой вещью именно из-под Вашего могучего крыла. Вы ведь хорошо знаете, как крепко любим мы Вас и все, что с Вами, в Вас и около. Не отталкивайте, не расколаживайте искренних порывов...“

Но рукопись Гребенщикова не печатается, и тон корреспондента меняется. „... Чураевы мне должны быть средствами, а Вы, приобрел у меня Чураевых, до сих пор вот уже год держите их в портфеле. Это обстоятельство меня не только беспокоит, но и злит. На книжном рынке беллетристика идет бешено и по бешеным ценам, а Чураевы лежат, и я даже не знаю — цела ли у Вас рукопись. Если Вы потеряете ее, или она погибнет в пожаре — Вы меня убьете иа смерть. Теперь Чураевых мне не написать ни за что... Да и они нужны мне как этап для перехода к следующей книге. Поэтому, помимо всех разглагольствований, это письмо имеет одну главную цель: я Вас убедительно прошу немедленно решить судьбу Чураевых: или Вы ее сейчас же выпускаете, или я передаю ее другому издательству, например, Московскому «Слову», которое еще в прошлом году готово было издать ее. По правде, если Вы не выпустите Чураевых, меня жестоко изобидите, т. к. я много на Вас рассчитывал. Затем, конечно, нынче, год спустя, договоренная полистная плата не может оставаться прежней. Как ни совестно мне, а приходится оговориться: цена должна быть увеличена, по крайней мере, в ¹/₂ раза, это уж Вы сами понимаете, и совестить меня не станете.“ ¹

Идеологам кулацкой деревни — М. Ожигову, С. Есенину и другим — М. Горький также приходилось не по нраву, с его отрицательным отношением к пассивности, половинчатости, с его протестом против искаженных образов действительности, против суриковских мотивов, народнической фразеологии.

А С. Д. Фомин в запальчивости обвиняет М. Горького в классовой отчужденности, в обособлении, как писателя буржуазного, оторвавшегося от низов, за то, что М. Горький вместо рассуждений о „правде жизни“ потребовал от него, как от писателя, художественных вещей.²

¹ Там же, датировано 27 февр. 1918 г.

² Письмо хранится в ИРЛИ.

Но это были отдельные, нетвердые голоса отдельных одиночек. Революционный практик, организатор литературных талантов, сердце которого, как сердце Данко, горит для других, для пролетариата, Горький был и остается непревзойденным образцом для молодых художников пера.

Его творчество, организаторский талант, его любовь к начинающим писателям независимы от его лет. Органически связав себя с пролетариатом, он активно помогает партии во всей его политике, особенно усиленно осуществляя политику партии в области художественной литературы, в области объединения писателей СССР вокруг задачи ВКП (б) и советской власти, являясь для них своеобразным заочным литературным университетом.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ И ЗНАНИЕ“.

Петроградъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19. Тел. 227-42

М. Горький.

О ПИСАТЕЛЯХЪ САМОУЧКАХЪ.

—
Цѣна 25 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

ятно, настроены против меня — иначе, зачем бы понадобились разговоры о „бесполезности“. Я думаю, новая школа также полезна, как и старая. И вообще всякий труд, даже ничтожный, достоин того, чтобы к нему отнеслись внимательно.

Преданный Вам *Пимен Карпов*

Дата на письме не указана.

ПИСЬМО П. КАРПОВА

Карпов, Пимен Иванович, родился 6 августа 1887 г. в с. Турка, Рыльского у., Курской губ. Самоучка. С раннего детства — батрак. Печататься начал с 1908 г. — первое стихотворение «Незабудка» было помещено в «Неделе Современного слова». Первая книга его стихов «Заговор зорь» вышла в 1910 г., «Звонкая лилия» — в 1911 г. В 1913 г. выходит его напумевший роман «Пламень», в котором автор бросает упрек интеллигенции, несущей, по его мнению, всю ответственность за культурное состояние народа. Автор питает ненависть к городской культуре, это сближало его с толстовским отрицанием культуры. «Книга ваша мне понравилась своей смелостью мысли и ее выражения — писал А. Толстой Карпову по поводу «Пламени». — Для того, чтобы высказать горькие истины „образованным“, нужно в наше время гораздо больше смелости, чем для того, чтобы высказать их правительству“. (Письма А. Н. Толстого, т. II, собр. П. А. Сергеевко, стр. 265). Издание «Пламени» 1914 г. было конфисковано.

В 1909—12 гг. Карпов был одним из постоянных сотрудников московской газеты «Доля бедняка» (основанной столбром П. А. Травинным). Цель газеты — «освещать жизнь бедняков и отражать их желания» — отвечала настроению Карпова, который писал в ней почти из номера в номер.

В 1916 г. вышел сборник его рассказов «Трубный голос»; в 1917 г. в «Вестнике Европы» появились его очерки «Из деревенских впечатлений», в 1922 г. сборники стихов «Русский ковчег» (изд. «Новая жизнь») и «Звезды» (изд. «Поморье»). В 1924 г. «Желтый дьявол». В своих произведениях Карпов отражает идеи так называемого мелкобуржуазного социализма.

Недоверие к интеллигенции, выраженное в его произведениях, сквозит также и в публикуемом ниже письме по отношению к сотрудникам редакции «Летописи».

Дорогой Алексей Максимович!

Меня поразило, что в Вашей «Летописи» заранее, еще не видя в глаза рукописей, говорят, что вообще „бесполезно оставлять“: так мне вчера было сказано, когда я принес рассказ свой. Я все-таки оставил. Пожалуйста, просмотрите его внимательно и отнеситесь к нему справедливо. Вам не нужно говорить, что я надеюсь на Вашу светлую душу, хотя Вы, веро-

ВАСИЛИЙ ГИППИУС

РАБОТА М. ГОРЬКОГО НАД РАССКАЗОМ «МОРДОВКА»

Задача этой небольшой работы — показать на частном примере и на сравнительно ограниченном материале некоторые особенности творческой работы М. Горького. Эти особенности — и значительны и поучительны. В моем распоряжении не было черновых рукописей, на которых выработывался первоначальный текст «Мордовки». Я располагал следующим материалом: 1) правленая автором машинная копия, с которой набирался первопечатный текст (материалы Публ. библиотеки имени В. И. Ленина, Москва); 2) первопечатный текст («Современный мир», 1911, № 1); 3) текст собрания сочинений М. Горького в изд. «Жизнь и знание», 1913 и 4) оттиск этого издания, правленный автором для берлинского издания 1923 г. Печатные тексты почти совпадают: текст собрания сочинений 1913 г. отличается от журнального частью — исправлением его погрешностей в отдельных словах, частью — новыми печатками. О какой-нибудь промежуточной работе по корректурам — данных нет. Приходится учитывать, таким образом, три известных нам редакции: 1) «московский» текст — до исправлений в копии; 2) печатный текст 1911—1913; 3) текст берлинского издания и всех последующих изданий.

Вторая редакция отличается от первой: 1) вставками, 2) замена отдельных слов и 3) сокращениями.

Вставок всего две, и, не имея рукописи, нельзя сказать с уверенностью, действительно ли это добавление новой редакции или только восполнение технического пропуска. По характеру вставки можно предположить и творческие добавления. В рассказе мордовки об ее прошлом первоначально было: «она — мордовка, из зажиточной семьи, отец пошел в Сибирь» и т. д. Слова: грамотная, училась в церковно-приходской школе. Пожар разорил семью — добавлены. Каково бы ни было происхождение вставки, она помогает пониманию некоторых черт в характере мордовки: ее некоторого умственного развития, связанного наивной религиозностью. Вторая вставка — всего из нескольких слов: к словам Павла «многие, наверно, тем же болят, что и я... тем, что нигде не написано» добавлено: «только в сердце написано». Обе вставки сохранены и в следующей редакции.

Замены одних выражений другими пока единичны. Эпитет «сладкие» голоса колоколов заменен более конкретным «звучные» и стереотипное «Бом-бом» (может быть, и появившееся только в переписке) заменено своеобразной передачей колокольного гудения: «Оом — Оом». Конкретнее стало изображение внешности кривого сапожника («чтобы скрыть безобразную яму на месте правого глаза» — подчеркнутых подробностей не было). Наконец выражение «немножко гнусавым голосом» (о жене) заменено менее резким — «немного в нос». Как видно, исправляются отдельные изобразительные детали — зрительные и слуховые, и таких исправлений пока немного.

Но уже на этом этапе работы М. Горький начинает применять метод сокращений — тот метод, который в дальнейшем поможет прийти к очень значительным результатам. Пока сокращений не очень много, и некоторые — сводятся к чисто-стилистической правке (устраняются излишние «вдруг», «какие-то», «всей» и т. п.). Важнее вычерк перед внешней характеристикой мордовки слов «она была не красива»: автор перестает подсказывать вывод читателю. Устранение изобразительного излишества — но уже за счет детали, а не обобщения, находим в конце рассказа, в изображении разгневанной Даши; первоначально между словами «закладывая голову вверх» и дальнейшим образом раздутых, как у лошади, изоздрей, было еще: «ее большие груди угрожающе колыхались». Сокращения, связанные с некоторым видоизменением самого замысла, сделаны в эпизоде бесед Павла с Лизой. Характеристика Лизы — «эта тихая, коренастая девочка спокойно может сделать всё» первоначально пояснялась: «даже убить кого иибудь»; смысл характеристики этим добавлением, конечно, снижался. Вычеркнута была и целая фраза в реплике Лизы: «кто как может, так и должен помогать хорошим людям». После этого сначала было: «А что я — ничтожная, так ты сам говорил — Мария-то Магдалина... Эта параллель в 1911 г. могла быть вычеркнута, как не вполне цензурная, но и в дальнейшем автор к ней не вернулся, — может быть, и потому, что оценка Лизы Павлом «ничтожная» — не соответствовала тому отношению Павла к Лизе, которое окончательно выяснено в последней редакции. Вычеркнуты в одной из следующих реплик слова: «они не знают, кто за них молится» (после слов: «Это ведь ничего»), от чего реплика выиграла в выразительности.

Третья редакция, сделанная при подготовке берлинского издания, имеет характер уже сплошной переработки текста, причем на первом плане — метод сокращений. Работа над этой редакцией, прекрасно иллюстрирует гетевскую формулу: «In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister».¹ Сокращаются не только слова, не только фразы, но целые абзацы, подчас — целые стра-

¹ В ограниченьи мастер познается.

Несколько ниже внимание автора привлекает такая фраза (тоже в реплике Даши):

„Я знаю, что товарищам ты веришь, а жене нет.“

Устранением союза „что“ фразе был придан безыскусственно-разговорный колорит.

Систематически сокращая целые куски текста и отдельные детали, М. Горький почти не пользовался в окончательной редакции другими средствами переработки: тенденция к сокращению заслонила все другие. Только кое-где пришлось ему на этом этапе работы заменять одни выражения другими; напр. „ребята“ в начале рассказа (Впечатления Павла по дороге домой) изменено на „рабочие“; „на лице ее не было даже и тени веселья“ (в эпизоде переодевания Павла) изменено на „не было и тени улыбки“. Во всех подобных случаях перед нами, собственно, исправления случайных неточностей, вкравшихся в первые редакции. В некоторых случаях уточнен эпитет: колокольный звон — в новой редакции „внушительно течет сверху“ (было: „густо течет“), рев фабрики назван сердитым (был менее выразительный эпитет „тяжелый“); образ — синие дали неба заменен более конкретным: „синие ямы неба“. В портрете разгневанной Даши вместо „широкий нос сердито сопит“ — уточнено: „нос раздуваясь сердито сопит“. Фраза: „все это делало ее еще более желанной“ (о той же Даше в гневе) исправлена заменой изысканно звучащего слова „желанной“ более простым „соблазнительной“. Остальные поправки мало значительны. Еще меньше в новой редакции — дополнений. Из более существенных можно указать следующих два:

В эпизоде первого разговора Павла с Лизой вставлено необходимое для полноты картины слово „охмелев“ („Павел, охмелев, рассказывал о своей неудачной женитьбе“) и в объяснении Даши (почему она подошла к Павлу) — к словам: „Показалось, что тоже грех задумали. Это почти каждый день бывает“ — добавлено, как необходимое пояснение: „стреляются, вешаются.“

Если бы мы располагали черновыми материалами горьковской работы над «Мордовкой», мы, вероятно, нашли бы в них примеры применения самых разнообразных методов уточнения как замысла в целом, так и отдельных мыслей и образов. На данном этапе работы — при окончательном пересмотре уже напечатанного — М. Горький пользовался по преимуществу методом сокращений.

Здесь нужно, конечно, различать сокращения разного рода. В одних случаях — это не столько „сокращения“, сколько „исключения“: отбрасывания кусков и фраз (иногда и отдельных слов) по соображениям принципиальным — в результате видоизменения самой художественной темы. Такой случай: исключение всех упоминаний о „фальши“ Павла в начале повести. В самых фактах подобных отбрасываний нет ничего спе-

цифического для М. Горького: они возможны в работе любого писателя; но учет и объяснение этих случаев особенно важны для изучения генетики творчества; в данном случае и видоизменение „раздвоенной“ психологии Павла и новый вариант его первого прощания с Лизой — помогают уяснить процесс создания и осознания М. Горьким пролетарских характеров. Другой случай — сокращение в тесном смысле слова — сжатие текста, освобождение его от словесно-смыслового балласта для повышения выразительности, для усиления возможного воздействия на читателя. Все приведенные здесь примеры сокращений подобного рода заставляют предполагать, что этим методом улучшения художественного текста М. Горький пользовался совершенно сознательно. Предположение это вполне подтверждается высказываниями М. Горького по вопросам художественной техники — в советах начинающим писателям, в отзывах об их работе и пр.

Один из наиболее ранних примеров (до 1911 г.) приводит Н. К. Пиксанов в статье «Горький учит». Прочитав рассказ М. Сивачева, М. Горький пишет автору: „великолепная тема, но написано скучно. Длинно! Скучно!“¹ Значительная часть относящегося сюда материала рассеяна и в письмах М. Горького, публикуемых в настоящем сборнике (см. также статью С. Д. Баблюхатого). В 1912 г. М. Горький в письме к Г. Д. Гребенщикову находит, что первые главы рассказа «Ханство» написаны „жидковато“ и советует сократить их: „Будьте уверены, что эти сокращения могут весьма улучшить рассказ“. В письме к П. Н. Сурожскому (1912 г. или 1913 г.) М. Горький опасается, что хорошие писательские качества Сурожского (простота, задушевность) могут быть испорчены многословием и убеждает говорить „кратко, просто, как Чехов или Бунин в его последних вещах“. Рассказ неизвестного автора «Захолустье» (письмо от 13 марта 1913 г.) он также находит длинным, перегруженным „различными излишествами“.

Обильный материал этого рода приведен и в брошюре И. Макарьева «Пометки Горького на книжках начинающих писателей» (стр. 13—16). Подчеркивая слова, повторяющиеся уже сказанные или выражающие что-нибудь, что р зумеется само собою, М. Горький приписывает на полях: „Зачем эти слова?“ или: „Уже сказано“ или, наконец: „Писать надобно точно, экономно, без лишних слов“.

Эти сопоставления показательны как образцы того единства теории и практики, которые неизменно и последовательно осуществляют М. Горьким в его литературной работе.

¹ Н. Пиксанов. О классиках. М., 1933, стр. 352.

21. Стихотворение в рукописи „Дети солнца“ (Рукоп. отд. Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина). Стр. 521.
22. Стихотворение в рукописи „Дети солнца“ (Рукоп. отд. Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина). Стр. 523.
23. Страница издания „Мордовки“ с исправлениями М. Горького 1923 г. (Архив ИРЛИ). Стр. 529.

Иллюстрации подобраны М. М. Калаушиным.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	5
I. ЗАБЫТЫЕ И НЕИЗДАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. ГОРЬКОГО	
Художественные произведения	
Рассказ	
Федор Дядин (набросок). 1910 г.	15
Очерк	
Погром. 1901 г.	25
Как я первый раз услышал о Гарибальди. 1907 г.	32
Политическая сатира	
О сером. 1905 г.	33
Письмо в редакцию. 1906 г.	38
Публицистические статьи	
По поводу московских событий. 1906 г.	41
«В ширь пошло»... 1911 г.	47
«Письмо монархисту». 1911 г.	53
О русской интеллигенции и национальных вопро- сах. (Ответ на анкету „Украинской Жизни“). 1912 г.	64
Хроника заграничной жизни. 1912 г.	73
II. ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ	
[Август Стриндберг.] 1912 г.	89
О Х. Н. Бяликe. 1916 г.	92
Рецензия: И. Новиков. Рассказы. М. 1912 г.	95
Рецензия: М. Криницкий. Рассказы. Том III, Пб. 1912 г.	96

Рецензия: Р. Кумов „В Татьянину ночь“. Рассказы и очерки. Пб. 1913 г.	98
Отзывы о пьесах, представленных на конкурс мелодрамы. 1919 г.	102
План „Истории культуры в инсценировках для театра и картинах для кинематографа“ и отзыв о пьесе из этого цикла „Охота на носорога“. 1919 г.	108
Отзыв о пьесе „Помешанный“.	113
<i>Комментарии С. Д. Балухатого.</i>	
III. ПЕРЕПИСКА	
М. Горький и Л. Андреев	140
<i>Вступительная статья и комментарии В. А. Десницкого</i>	117
Переписка М. Горького с символистами.	
Письма и стихотворение В. Брюсова	185
Стихотворение Э. Гиппиус	191
Письмо и стихотворение К. Бальмонта	192
Переписка М. Горького и Ф. Сологуба	195
<i>Вступительная статья и комментарии Е. В. Михайловой</i>	181
М. Горький и А. Амфитеатров	205
<i>Вступительная статья и комментарии А. И. Перепеч.</i>	199
М. Горький и А. Калюжный	233
<i>Вступительная статья Л. С. Нестеровой.</i>	227
М. Горький и иностранные писатели.	
Письмо Г. Гауптмана	240
Переписка М. Горького и Б. Шоу	245
<i>Вступительная статья и комментарии Е. Э. Юновской</i>	235, 243
IV. ПИСЬМА М. ГОРЬКОГО К ПИСАТЕЛЯМ И КРИТИКАМ	
В. Е. Аренс-Гаккель. 1915 г.	264
Р. Браиловскому	266

Г. Д. Гребенщикову. 1912—1913 гг.	268
И. Н. Захарову	274
Ю. Зубовскому. 1915 г.	276
Н. Иванову. 1912 г.	278
Е. И. Кацнельсону. 1911 г.	280
А. Лапшеву. 1912 г.	284
В. Львову-Рогачевскому. 1911 г.	179, 286
И. И. Морозову. 1911 г. — с ответными письмами И. Морозова	290
П. В. Мурашеву. 1911 г.	294
М. Неведомскому (М. П. Миклашевскому) 1911 г.	297
А. И. Окулову. 1921 г.	301
М. С. Саяпину. 1912—1913 гг.	302
Е. О. Ставицкому	305
И. Д. Сургучеву. 1912—1913 гг.	306
П. Н. Сурожскому. 1912—1913 гг.	317
А. Фингурину. 1911 г.	320
И. Л. Френкелю. 1910 г.	322
С. М. Чевкину. 1912 г.	323
А. А. Яблоновскому. 1911 г.	326
Неизвестному — Влад. Влад. 1912 г.	62
Неизвестному — Мих. Андр. 1913 г. (?)	329
Неизвестному — Павлу Мих. 1913 г.	331
Неизвестному — Серг. Ал-др.	332
Неизвестному. 1912 г.	333
Неизвестному. 1912—1913 гг.	336
Неизвестному — до 1913 г.	338
Неизвестному. 1920 г. (?)	342
Неизвестному	344
Неизвестному	345
<i>Вступительная статья и комментарии С. Д. Балухатого</i>	251
V. ПИСЬМА НАЧИНАЮЩИХ ПИСАТЕЛЕЙ М. ГОРЬКОМУ	
И. Е. Вольнов. 1915—1919 гг.	367
М. П. Герасимов. 1915—1916 гг.	390
М. В. Журавлева. 1914 г.	394
П. И. Карпов	402
И. Е. Лаврентьев. 1912—1917 гг.	404

В. Н. Лазарев. 1914 г.	415
С. В. Малышев. 1915 г.	417
А. Р. Палей	424
И. И. Садофьев. 1916 г.	425
И. И. Тачалов. 1911 г.	429
К. А. Тренев. 1916 г.	432
<i>Вступительная статья и комментарии Т. К. Ухмыловой</i>	349

VI. СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ ТЕКСТА ПРОИЗВЕДЕНИЙ
М. ГОРЬКОГО

Н. Я. Морачевский. „Весенние мелодии“	439
Приложение: черновой текст „Весенних мелодий“	445
С. Д. Балухатый. Работа М. Горького над пьесой „Дети солнца“ (Материалы и наблюдения)	459
Б. П. Городецкий. Образ „красного песка“ в одном из стихотворений М. Горького (По рукописи „Дети солнца“)	506
Приложение: черновые тексты стихотворения	517
Василий Гиппиус. Работа М. Горького над рассказом „Мордовка“	526

<i>Именной указатель</i>	537
<i>Список иллюстраций</i>	547